

The background of the book cover is a photograph of a body of water, possibly a lake or a wide river, with a rocky shoreline in the foreground. The water is a murky, yellowish-green color, and the rocks are dark and jagged. The overall mood is somewhat somber and mysterious.

Иван Сирфидов

Поцелуй феи

Книга 1 Часть 3

12+

Иван Сирфидов

Поцелуй феи. Книга1. Часть 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63408192

SelfPub; 2020

Аннотация

Продолжение истории о фее Лале и нелюдимом юноше Руне. Наших героев ждёт новый путь, новые приключения, новые чудеса. Ну и конечно новые перипетии их запутанных взаимоотношений.

Иван Сирфидов

Поцелуй феи.

Книга1. Часть 3

Не успел Рун отойти и на пару вёрст от родных мест, как уже сделал привал. Воля случая – попал камушек в башмак – уселся, снял, вытряхнул, обул ногу назад. И остался сидеть. Хорошо вокруг, и на сердце что-то... хорошее. Ощущение, словно освободился. Начинался какой-то новый этап в его жизни, нечто неизведанное. Эта неизведанность и пугала, и манила. Но манила сильнее, чем пугала. Вроде бы и тяжело родину покидать, а всё равно как будто камень с души сбросил. Давно уж деревня перестала быть домом. Была тюрьмой. И вот теперь... на воле. Много всего на сердце разного. Долгий путь предстоит. И долгие поиски места своего под солнцем. Но молодой, сила есть, желание жить есть, и даже денежка водится. Плюс, наделён волшебным даром договора со зверями. Приложится всё, надо только верить и не сдаваться. Чутьочку конечно и тоскливое что-то чувствуется внутри. Расставание есть расставание: бабушка, могила дедушки, изба. Самое дорогое оставляет позади. И всё же в целом всё хорошо. Он вздохнул.

Неожиданно наземь рядом с ним, слетев откуда-то сверху,

уселась птичка. Всего на расстоянии вытянутой руки. Маленькая, с синей грудкой. Уставилась на него внимательно одним глазом. И вроде бы не боится совсем. Рун улыбнулся. Вот и ещё один дар Лалы. Доверие диких тварей. Тоже никуда не делся.

– Здравствуй, Рун, – вдруг прочирикала птичка по-человечьи. – Тебе весточка от Лалы.

Рун даже и не удивился происходящему. Не впервой видеть говорящую живность. Но не удивился, пожалуй, впервые. Ко всему привыкаешь постепенно.

– Я слушаю, – спокойно отозвался он.

– Просила тебе Лала передать, что в беду немножко попала, – сообщила птичка. – Помощь ей нужна твоя. Но ежели ты откажешься ей помочь, она поймёт и совсем не обидится. Каков будет твой ответ?

– В беду попала? – с недоумением переспросил Рун. – Разве она не в замке?

– В замке.

– И что же там такого могло с ней произойти?

– Не ведаю, Рун.

– Она плакала?

– Нет. Но грустна была. Если я правильно различаю ваши человеческие лица.

– Хм. Ну конечно помогу, – кивнул Рун. – Только ума не приложу, какая ей польза от меня, крестьянина, когда там барон, рать, стража. Сынок баронский. Ладно, пойду в за-

мок. Благо, недалеко ушёл ещё.

– Нет, Рун, тебе не надо в замок, – поведала птичка.

– Не надо в замок? – удивился он. – Как же я могу тогда ей помочь? И чем?

– Я тебя провожу в одно место. Ты её там подождёшь. Рано утром она к тебе придёт. Если сможет. Если нет, и весточек новых не пришлёт, значит уже и не придёт. Не жди её боле в таком случае, и прости сердечно, что зря побеспокоила.

– Ну хорошо, – с озадаченным видом молвил Рун.

Он встал, отряхнулся, пребывая в задумчивости, в попытках осмыслить услышанное. Птичка поглядывала на него не без любопытства.

– А что тебе ещё Лала сказала? – поинтересовался он.

– Только это. Весточку, и куда тебя отвести, ежели согласишься.

– А что при этом происходило? Что ты сама видела?

– Вообще-то я самец, Рун, – аккуратно заметила птичка.

– Да? Ну прости, друг. Я не умею вас различать, – вежливо повинулся Рун.

– Да что тут различать-то. Видишь, у меня синие пёрышки в крыльях и синяя грудка. А самочки у нас милого серенького цвета, без синевы, – объяснила птичка.

– Вот не знал. Я думал, вы все синие.

– Нет, только мужики у нас такие.

– Понятно. Так что ты видела... видел?

– Да ничего особенного. Лала в замке. В комнате. Была

одна. Позвала меня через окошечко. Попросила передать весточку. Наделила даром речи да способностью отыскивать тебя легко. Чувствовать, в какой ты стороне. Сама как будто печалилась. Это всё.

– Ясно. Куда идти?

– К стенам замка. В лес, к крепостной стене, точно с обратной стороны от главных ворот. Бывал там?

– Конкретно там нет. Но в той местности бывал конечно.

– Ну, вот туда, – проговорила птичка. – Там есть дуб высокий покосившийся. Очень большой. На самом краю леса перед стеной. К нему тебе надо. Если идти по краю леса вдоль стены, мимо никак не пройдёшь. Его не перепутать ни с чем.

– Чтож, я готов, – обозначил желание отправляться в путь Рун. – Веди. Как ты меня поведёшь? Будешь перелетать вперёд? А то садись на плечо, коли хочешь. И просто указывай мне направление. Словами.

– Может ты без меня тот дуб найдёшь? – полувопросительно предложила птичка с надеждой. – Вы, люди, так медленно ходите. А мне деток надо кормить. Дорогу ты теперь знаешь. Я тебе и не нужен как будто.

– Поди найду, – кивнул Рун. – Кажется, это не сложно.

– Вот спасибо! – порадовалась пичуга. – Тогда полечу к Лале, сообщу ей, что ты согласен. А вечером снова тебя отыщу. Проверю, там ли ты, где нужно, остановился.

– Хорошо, – ответил Рун.

– Только ты старайся, чтобы тебя никто не видел. Стража

со стен чтоб не заметила.

На лице у Руна отобразилось удивление.

– Это тебя Лала просила? – недоверчиво поинтересовался он.

– Она, – подтвердила птичка.

– Как странно. Ну ладно. Выходит, и костёр нельзя на ночь разводить?

– Наверное нельзя, Рун. А если я вечером не явлюсь, ты всё равно жди её до утра. Вдруг меня орёл сожрал какой. Всякое ж возможно.

– Ага, я понял, – заверил Рун.

Птичка упорхнула. Рун призадумался. Не понять, чего Лале нужно. Магии у сына баронского мало оказалось? Неужто она полагает, после того, что произошло, у него всё ещё полно? Даже и обнимать-то будет в тягость. Наивная, может считает иначе. Но всё же вряд ли она до такой степени наивна. Плюс, столько сложностей – от стражи укрываться, томиться в ожидании пол суток. Всё ради шанса магию пополнить? Сомнительно. Захотела извиниться, а это уловка, чтобы точно явился? Так вроде не за что ей извиняться, подружили да расстались. Он виноват, поймал её. И почему тогда нельзя в замок? Поди разбери, что у девиц на уме. Разве догадаешься. Какой-нибудь пустяк, что кажется им важным, иль заставляет переживать. Ну, переживания это конечно не пустяк, не нужно. Надо успокоить. А что как жертву всё же хочет отдать? Считая это долгом чести? И чтоб сынок ба-

ронский не прознал. Вот это очень похоже на правду. Иных причин как будто нет. Придумала себе чего-нибудь, и советится, что не настояща. По второму кругу всё пойдёт. Зачем мне её жертва? Надо как-то очень мягко отказаться, так чтоб поверила и не обиделась. Если конечно дело в жертве. Ну как тут угадаешь.

Рун прикинул в уме оптимальный путь до указанного места, развернулся и неторопливо пошёл обратно.

Птичка прилетела ровно на закате, в самое зарево. Рун ужинал похлёбкой из кореньев. С отыскиванием дуба излишних проблем у него не возникло, всё же заметный ориентир. Для костра использовал самые сухие ветки, чтобы не дымили, с мыслью к ночи полностью потушить. При свете дня без дыма из леса всё равно не приметят, даже со стены, а ежели и приметят, ну и что, мало ли кто днём тут хаживает. Это ночью столь рядом с деревней и городом ночевать в лесу странно, днём же точно не вызовет подозрений.

– Здравствуй, Рун, – прочирикала ему птичка, приземлившись у ног.

– Привет, – ответил он спокойно. – Хочешь хлебушка?

– Не отказался бы попробовать, – молвила птичка. – Слышал от бывалых птиц, что это очень вкусно. Редкостное лакомство.

Рун отломил крошку, положил на землю. Птичка обхва-

тила угощение лапкой, стала долбить клювом.

– Ну и что, я правильно место нашёл? – полувопросительно осведомился Рун.

– Всё правильно, – подтвердила птичка.

– Как там Лала? Передал ей, что я буду её ждать?

– Передал. Обрадовалась очень. Как будто даже счастлива стала. Я не всё различаю на ваших лицах. Это сложно. У вас ни клюва, ни пёрышек. Но кажется... воодушевилась словно. Очень стала счастлива.

Рун вздохнул. Ну что тут сделаешь. Фея есть фея. Для него их предстоящая встреча... нечто немного болезненное. Всё же расстались не лучшим образом. А она вот радуется. И, похоже, искренне. И как, спрашивается, себя вести с ней, если она будет радоваться ему? Обидит её тем, что не покажет ответной радости, что будет сдержанно вежлив? Эх, угораздило же с феей познакомиться. Такие сложности. С людьми как-то попроще будет.

– Можно мне забрать эту крошку? Супругу угощу и деток столь дивным яством, – с надеждой попросила птичка.

– Конечно, – кивнул Рун.

– Спасибо. Прощай, Рун. Рад был помочь вам с Лалой. Ты жди её до утра здесь. Если хочешь, могу утром к тебе заглянуть. Коли не появится она, слетаю к ней, узнаю, в чём дело, да тебе передам.

– Было бы неплохо, – отозвался Рун. – Спасибо тебе, друг. Огромное. За всё.

– Да мне-то за что? – философски заметила птичка. – Помочь фее... очень почётно. Большое счастье. Ты лишь имей в виду, если она с утра снова даром речи меня не наделит, говорить я не смогу уже. Это до полуночи дар. Ну и если не прилечу совсем, значит съел меня кто-нибудь. Дело-то такое. Буду жив здоров, обязательно загляну сюда.

– Я понял, – благодарно отвечал Рун.

Птичка взмыла вверх и быстро исчезла где-то среди листьев. Рун приготовил себе место для ночёвки. Улёгся. Стал смотреть в небо. Вечер в летнем лесу – приятная пора, свежо, тепло, пахнет немного хвоей, немного мхами. Так привычно одному в безлюдье, в окружении деревьев. И даже более совсем не страшно. Благодаря договору со зверьми. Вот появился сейчас волк. Только порадовался бы компании. Или медведь. Сказал бы: «здравствуйте, Миша». И всё, и лёг бы спокойно спать дальше. Наверное. Как бы не расстались с Лалой, но надарила-то она ему немало. Не расплатиться никогда. От воспоминаний о ней он, сам того не желая, разулыбался. Но осознал, что улыбается, и перестал. Грустно это всё. Было счастье, да прошло. Непонятно, как себя вести с ней завтра. Немного волнительно от того, что увидит её снова. И в том-то и суть, что немного, самую малость. Нету причин томиться в ожидании. Вроде как чужие теперь. Может он сам и виноват во всём? Обидел её. Отказывался обнимать прилюдно. Правда если ей этого достаточно, чтобы захотеть расстаться, может расставание и к лучшему. Тоскливо вспо-

минать былое счастье. И понимать, что нет возврата. Однако эти же воспоминанья. И согревают. Есть что вспомнить. Хотя бы. Только что если они... лишь ложь, пустой самообман? Ведь согревают по единственной причине – что в них он дорог ей. Но был ли он ей дорог на самом деле, раз легко смогла оставить? Как будто был, притворство феям не свойственно в таких вещах. Светилась счастьем, коли рядом находился. Однако счастье от него ли её было, или всегда лишь от его объятий? Ну как тут разобраться человеку? Никак. Хоть благо, что пожалуй не так уж важно это всё теперь. Когда расстались.

– Рун, – раздался рядом тихий девичий голосок.

Рун почувствовал, что кто-то легонько трясёт его за плечо. Он открыл глаза. И сразу же увидел в полутьме только-только начинавшегося рассвета Лалу, склонившуюся над ним.

– Доброе утро, Рун, – произнесла она. В голосе её слышалось много чего. Тепло, и ласка, и чуть грусти, немного сожаленья и волненья, и неуверенности. А ещё приветливость и радость добрая.

Рун сел.

– Здравствуй, Лала, – сказал он спокойно. Глубоко шумно вдохнул воздух, дабы прогнать остатки сна. Протёр глаза руками. Зевнул.

Воцарилось молчание. Он ждал, что скажет она. Она ждала чего-то от него.

– Лала, что случилось? – наконец решил заговорить он. – В какую ты беду попала? В чём тебе нужна помощь? И почему тебе не может помочь барон?

– Дело как раз в бароне, Рун, – тоном, исполненным мягкой печали, поведала Лала. – Он стал... очень... настойчив в своём гостеприимстве. Решила уйти от него потихонечку. Поднакопила магии чуть-чуть. И улетела. Не хочу более у него оставаться.

– Потихонечку решила уйти? Даже не попрощавшись? – изумился Рун.

– Я оставила ему прощальное послание. Где поблагодарила за всё, – объяснила Лала. – Я думаю, он бы не позволил мне уйти. Оправдывая это моей безопасностью.

– Да уж, – только и смог вымолвить Рун, переваривая услышанное.

– Мне кажется, он начал какие-то планы на меня строить.

– Планы?

– Да. Как я всю магию растратила, и он понял, что я совсем беззащитна. Он стал другим со мной. Более... непрекаемым. В своей заботе. Мне уже страшно с ним.

– Лала, ты ничего не путаешь? Может тебе показалось? – с сомнением предположил Рун. – Он же не абы кто. Правитель. Рыцарь. Голубых кровей особа. Человек чести. Ты для него как благородная дама. Ничем не хуже. Даже лучше. До-

вольно странно было бы ему с тобой быть неучтивым. Вон он как всегда пред тобой рассыпался в любезностях. Меня даже к себе позвал. Из-за тебя.

– Рун, он учтивость не утратил. Он просто стал чрезмерно опекать. Свою опеку ставя выше моих желаний и моей свободы.

Рун вздохнул. Выражение его физиономии было весьма озадаченным.

– И что теперь? – поинтересовался он с растерянностью.

– Не знаю, – простодушно ответствовала Лала. – Вверяю себя в твои руки. Как скажешь, так и поступим. У меня тут никого нет кроме тебя.

Рун призадумался, пытаюсь осмыслить ситуацию. Но кажется осмысливать было особо и нечего.

– Как ни крути, Лала, вариантов-то у нас немного, – вскоре произнёс он. В голосе его слышалось сожаление. – Я крестьянин, я ничего не умею. Нам всё равно нужна чья-то помощь. Магов, лордов, может короля. Наш маг слаб. Наш лорд... имеет планы на тебя, как ты считаешь. Значит нам нужны другие маги и другие лорды. Иного выхода я не вижу.

– А где искать другого лорда? – осторожно осведомилась Лала.

– Знамо где. В его землях. Сам он к нам не придёт. Надо идти в чужеземье.

– А ты можешь со мной пойти туда? Или проводить меня хоть сколько-то? – с робкой надеждой посмотрела Лала на

него.

– Лала, – сдержанно отозвался Рун. – Я тебе уже говорил. Моя вина, что ты здесь. Поэтому доколе я тебе нужен, я буду тебе помогать. Какими бы ни были наши отношения, даже если мы возненавидим друг друга, и ты начнёшь морщиться от отвращения каждый раз при моём приближении, я тебя не оставляю, пока ты сама того не пожелаешь.

Лала улыбнулась от слов «морщится от отвращения».

– Между прочим, я как раз и иду в чужеземье, – продолжил Рун. – Я ушёл из деревни. Насовсем. Так что нам в любом случае по пути.

– Правда? – искренне удивилась Лала.

– Да. Ещё день, и ты бы меня не застала. Меня твоя птичка прямо на дороге выловила. Пришлось поворачивать назад. Дома стало невозможно находиться. Все меня теперь ненавидят. Почему-то думают, что я тебя колотил. И сердятся за это.

– Прости меня, Рун. Столько тебе неприятностей доставила, – грустно повинулась Лала. – И спасибо, что не бросаешь. Ты настоящий рыцарь. А почему люди думают, что ты меня колотил? Я не понимаю.

– Да кабы знать. Разве мало у меня недоброжелателей. Может Фиор опять поклёп какой устроил. Может сестрички его слух пустили. Может кто другой. Даже бабуля почти поверила, что я тебя колочу. Кое-как разубедил.

– Странные у вас люди, – покачала головой Лала. – Я та-

кая счастливая всегда с тобой была. Да и ты очень добрый. Как можно этого не видеть? Ты прямая противоположность всему жестокому.

– Ну, Лала, ты уж преувеличиваешь, – бесстрастно заметил Рун. – Если меня начнёт задира́ть парень, я долго-то терпеть не стану. Но девиц я не трогаю. А фей тем более. Надо нам идти, Лала. Я считаю. Отойти хотя бы на несколько вёрст от замка. На всякий случай. А там уж устроим привал, поедим, обдумаем, что конкретно делать. Отдохнёшь, или вздремнёшь сколько-то. Я так полагаю, ты мало сегодня спала. Тут даже костёр не разжечь толком. Бли́зко к стенам, заметят дым. Вряд ли конечно сочтут, что это ты. Но тем не менее. Надо отойти от замка, Лала.

– Хорошо, Рун.

Рун быстро собрался. Повесил сумку на плечо.

– Пойдём? – спросил он.

Лала бросила неуверенный взгляд на его руку, как будто желая взяться, но он не стал никак реагировать на это.

– Пойдём, – чуть опечаленно ответила она.

Рун направил стопы строго от крепостной стены в лес. Зашагал не спеша, чтобы Лала успевала. Она последовала за ним.

– Ты ходишь, не летаешь? – вопросительно поглядел он на неё с лёгким недоумением.

– Магию всю порастратила. Довольно скоро, как у барона осталась. Так вышло. А восстановить-то не от кого, – пове-

дала она. – Несколько дней копила, чтобы улететь. Я бы могла сейчас лететь, но лучше магию поэкономить. Её у меня чуточку совсем.

– Понятно. Я тебе не могу с магией помочь. Вряд ли она во мне есть. Прости.

– Да ничего, – вздохнула Лала.

А что, у сына баронского не было магии? – аккуратно любопытствовал Рун.

– Ни капельки, Рун.

– Вот как? Странно. Я думал, много должно быть. Я думал, ты в любом её легко пробудишь.

– Ну, ты ошибся.

Какое-то время после этого они оба безмолвствовали. Утро всё ещё лишь вступало в свои права, мрак рассеялся, но небеса были тусклыми. Зато жизнь лесная уж всю кипела. Повсюду весело пели птички, откуда-то раздастся то цокот белочки, то стук дятла деловитый. На низких травках блеск алмазный рождали капельки росы. Если на пути попадался стоящий гриб, Рун срывал его и клал в сумку. Питаться-то чем-то надо, снова возвращалась их прежняя грибная диета. А за ягодой не наклонялся, дабы время не терять. Ягоды в лесу много, Лале же, чтоб насытиться, нужно всего ничего. Остановятся для привала, не проблема найти.

– Очень похоже на наш первый день, – промолвила Лала негромко.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Рун.

– Ну, идёшь, молчишь, на меня ноль внимания. Прямо как тогда.

– Пожалуй ты права, – согласился он. – Тогда мы ещё чужими были совсем. Не о чем было говорить. Да и неловко.

– А сейчас?

– Не знаю. Сейчас... мы более не пара, ну, в смысле, даже понарошку. Тебе влюблять меня не надо. Невестой притворяться нет нужды. За время, что мы были вместе, мы обо всём уж говорили. Наверно темы исчерпали просто. Ты, Лала, говори, о чём захочешь. О чём угодно, я всегда тебе отведу.

– Как там бабушка Ида?

– У неё всё прекрасно. Благодаря тебе. Жениха себе нашла.

– Нашла жениха?! – бесконечно изумилась Лала.

– Да. Даже думают обвенчаться.

– Как замечательно.

– Ага.

– А что ты из дома уходишь, Рун, сильно она горевала?

– Ну да. Но она сама понимала, что мне нужно уходить. Так что не возражала.

Снова надолго наступило молчание. Рун шёл, раздумывая, что делать. Держать путь определённо следовало в сторону столицы. До неё конечно далеко. Вряд ли разумно представлять себе в уме её самую основную цель путешествия. Просто выбрать за направление, за главный ориентир. По

дороге к ней есть герцогства и графства. Там лорды-то поименитей и помогущественнее. В крупных городах, как всем известно, имеются обители магов. Никто не откажет в помощи фее. Тут даже и на каплю нет сомнений. Другой вопрос, в силах ли они помочь с проклятьем. Но в принципе сие неважно. Не смогут сами, так отправят к королю, в карете, под охраной. Дедушка в былые годы не раз рассказывал о близлежащих землях, о королевстве, и даже карты рисовал на песке. Правда, воспоминания о том, что он там начертал, весьма смутны. Давно это происходило, давно уж нет его в живых. Первым на пути в сторону столицы лежит соседнее баронство. Однако лорд в нём, если верить слухам, не самый симпатичный персонаж. Жестокий, алчный, на расправу скорый. Довериться ему опасно будет. Тем более, доверять Лалу. Пожалуй, лучше миновать лесами его владенья, никуда не заходя. И сразу дальше, там должно быть где-то графство, в котором лорд весьма достойнейшая личность. Молва о нём всегда лишь добрая в народе. Твердит, что храбр, справедлив, умен, Умелый воин, войско сильное, в почёте у государя. Незапятнанная честь. Вполне неплох. В теории конечно есть множество и прочих вариантов. Направиться налево иль направо. Иль даже за реку. Куда ты не пойдешь, всегда наткнёшься рано или поздно на чьи-то земли с их правителем. Но всё же держать к столице путь, держаться вдоль дороги, ведущей к ней, разумнее всего. Как кажется.

– Рун, у меня ножки устали, – пожаловалась Лала грустно,

прервав ход его мыслей.

– Давай отдохнём, – кивнул он с готовностью. Постелил ей свою куртку на траве. Она грациозно села, одарив его лёгкой благодарной улыбкой. Рун опустился на землю в шаге от неё.

– Хочу в объятия, – просяще молвила Лала, глядя на него опечаленно.

Он посмотрел на неё невозмутимо, словно пытаюсь понять, не шутит ли она над ним. Но нет, она была искренна, в её глазах отражались приязнь, доброта, надежда и чуть-чуть тоски. Он вздохнул и пересел к ней. Она сразу прильнула, с обрadowанным облегчением.

– Ну нет же ничего, – произнёс он тихо. – Ведь нету магии?

– Ну и что, – мягко проговорила она. – Соскучилась.

– Прости, – повинился Рун. – Я бы хотел, чтоб была. Правда.

– Так тоже хорошо, – ответила Лала.

Тем, кто не был с феей объятий неделями, вряд ли дано понять, что это – обнимать её. Первые дни сие довольно странно, но всё искупает её чистосердечие, видно же, что не притворяется, не насмехается, не разыгрывает. Действительно хочет, и очень счастлива становится, получая. Человека не рискнул бы так обнимать – просто из недоверия, всё время ощущал бы, что это глупо. Похоже на то, как встретился с кем-то дорогим тебе после долгой разлуки. И так постоянно, и каждое прикосновение с ней именно такое. Люди вне раз-

луки не испытывают подобных чувств. Соответственно и не нуждаются в их удовлетворении. Но изгой в каком-то смысле всегда в разлуке, это хроническое состояние, превращающееся в трудноудовлетворимое. А может всё дело в особой способности Руна отражать в сердце отношение к себе – она хочет, и он обретает сие от неё. Или возможно просто ко всему привыкаешь рано или поздно, вследствие чего это становится и твоей потребностью тоже. Это словно её волшебство, дарить такую вот близость. Даже сейчас не было в объятьях с ней ничего неприятного или противоестественного, хоть вроде и в ссоре. Немножечко тоскливо о былом, и только. А в целом как будто и самому полегче. Отчасти. Также соскучился по этому ощущению тепла. Её тепла.

– Рун, – негромко позвала Лала. – Можно, я тебе кое-что расскажу?

– Давай, – согласился он.

– В тот день, в день нашего расставанья, когда я приехала к барону. Он приказал всем отойти, и сообщил... что ты находишься в опасности великой. Мол, люди ропщут, что ты чарами заставил меня к тебе любовью воспылать и стать невестою. Разгневаны ужасно, считают, ты им в душу наплевал. Как будто. И тебе желают злого. Что в его землях недостатка нет в героях, способных в жертву принести себя ради спасения несчастной феи. Он мне поведал, до него доходят слухи, что многие хотят тебя убить, лишь в этом видя выход для меня избежать участи твоею стать женою. Готовы и в

темницу, и на плаху отправиться за сей великий грех, когда бы тем мне принесли свободу. И нету способов надёжных защитить тебя от них. Ему известно, даже что среди рыцарей его и стражи такие настроения в ходу. Приставь охрану он к тебе, гарантий нет, что сам охранник и не станет душегубом, всадив тебе внезапно в спину меч. Уж очень люди за меня переживают. Сказал мне, счёт идёт на дни, а то и может всего лишь на часы, пока ты жив. Однако выход всёж имеется один. Как он считает. Это нам расстаться, чтоб ты развеял два желанья третьим, и дал мне волю. Сразу же тогда народ наверняка уgomониться, и уж конечно не найдётся тех, кто пожелает наказать тебя ценою принесенья себя в жертву, пойдя на плаху, раз ты лишь плебей. Рун, я безумно испугалась. За тебя. Я не хочу, чтоб ты умер. Обдумала всё. Благо, ты задержался. И решила расстаться. Я знаю, я сделала тебе больно. Но я всё равно правильно поступила. Так было нужно. Ты конечно можешь думать, что я именно в тот день говорила правду, а сейчас вру, дабы заставить тебя снова заботиться о себе. Но тогда у тебя выйдет, что феи очень подлые и лживые.

– Лала, я никогда не подумаю про тебя плохое, – чисто-сердечно заверил Рун. – Ты не подлая. Ты хорошая. Но почему ты меня не предупредила? Так я бы знал, что все твои слова понарошку.

– Я побоялась, Рун, что ты не согласишься... расстаться по такой причине. Тут же нельзя притвориться, будто жела-

ние отменено, но при этом продолжать быть вместе. Всё равно пришлось бы разлучиться. Насовсем. Вдруг ты бы не захотел. И ещё мне нужно было, чтоб ты переживал. Чтобы все видели, что ты расстроен. Иначе бы могли засомневаться, и всё равно тебе худое причинить.

Рун призадумался. Сидел, пытаясь разобраться в своих мыслях и чувствах.

– Лала, – промолвил он вскоре. – Знаешь, иногда люди ищут благовидный предлог, чтобы вроде бы из добрых побуждений сделать то, чего желают сами. Тебе не кажется, что где-то в глубине души... ты и сама хотела со мной расстаться? Столько дней рядом с тобой. Постоянно. Устала от меня наверное. А тут хороший повод. Это не ложь, это просто... небольшой самообман. Так легче.

– Рун, как я могу от тебя устать, если я счастлива с тобой? От счастья нельзя устать, глупый.

– Ты счастлива от моих объятий, Лала. А вовсе не от меня. Есть разница. Это счастье тебе может дарить кто угодно. Я тут необязателен. Вот скажи, если бы у меня не было магии, стала бы ты со мной обниматься? Думаю, ты бы и прикоснуться ко мне не захотела.

– Сейчас у тебя нет магии, Рун. А мы обнимаемся.

– Ну так ты же надеешься, что она появится. Разве нет?

– Рун, ты очень жесток со мной. Пожалуйста, не надо, – попросила Лала с грустью в голосе.

– Прости, малышка, – мягко повiniлся он.

Лала рассмеялась негромко:

– Какой ты простодушный, Рун, – порадовалась она с теплотой. – Пожалел меня, и сразу магии немножко появилось. Вот за это тебя и люблю. Ты очень добрый, знаешь ты это? Рун, милый, послушай, нельзя так рассуждать. Как ты. Что если бы у тебя не было магии, то я бы не обнимала тебя. А если бы я была старой ведьмой, захотел бы ты меня обнять? Наверное нет. Мы те, кто мы есть, и мы не можем это изменить. Я фея объятий. А ты всё время принимаешь меня за кого-то другого. За девушку. Я девушка-фея. Пойми же, Рун, есть разница. Я не человек. И не могу полюбить человека. Как девушка любит парня. Но я могу любить тебя как друга. Вот представь, у тебя есть котёнок. Кошечка. Она приходит к тебе спать, ложится на грудь... прямо как я. Счастливо мурлычет, когда ты ласков с ней. Ты же будешь любить её, искренне, тоже будешь рад ей, когда она сама подходит, а она будет искренне любить тебя. Хотя она кошечка, в возлюбленные ей нужен кот, а не ты. И ты сам явно не захочешь её в жёны. Но это не помешает вам испытывать истинные чувства к друг другу. Как к кому-то родному, дорогому и близкому. Из людей ей будешь нужен только ты, ни к кому иному она не будет столь же трепетно относиться. Но если ты станешь неласков с ней, начнёшь обижать, прогонишь, и её возьмёт к себе кто-то ещё, ласковый и добрый. Тогда она уже его полюбит безмерно. Он станет ей важным, а не ты. У нас с тобой примерно то же самое. Пока ты ласков со мной, добр,

пока согреваешь меня в объятиях, никто другой мне не нужен. Мои чувства принадлежат тебе и только тебе. И я тоже буду дарить их тебе, все без остатка. Станешь обижать, прогонишь, и найдётся иной, ласковый, моё сердечко потянется к нему. Так не прогоняй меня, не обижай, и я буду только твоей. Не девушкой. Кошечкой. Феей объятий. Всем нужен кто-то близкий. Никто не хочет быть один. Ты хороший, ты мой друг. Я люблю тебя. Как друга. Нет, даже не как друга. Сильнее. Как кого-то, в чьих объятиях тепло и уютно. Как кого-то очень родного. Рун, я фея, феи не врут и не притворяются в таких вещах. Поверь же мне наконец.

– Лала, хоть убей, я не смогу воспринимать тебя не как девушку, – покачал головой Рун. – Ты девушка, и ты самая чудесная девушка на свете.

– Но тогда ты будешь страдать, Рун. Всегда. Пока я рядом, – с сожалением заметила Лала. – Потому что я не смогу дать тебе то, что ты хочешь. Я фея. Просто выглядящая как ваши девы. Если не считать крылышки. И в своих страданиях ты будешь винить меня. Но я ни в чём не виновата. Я лишь несчастная фея. Попавшая в беду. Я же не виновата, что я фея объятий. Я даже никогда не хотела ей быть. Пока не встретила тебя.

Рун вдруг упал на спину, утянув Лалу за собой, и прижал её к себе.

– Ой! – произнесла она радостно. – Ох, как голова закружилась. Оттаял, мой хороший?

– Не делай так больше, Лала, – смеясь, пожурил её Рун. На его физиономии застыло выражение бесконечного счастливого облегчения. – Ничего себе, позаботилась! А если бы я утопился, как сын Тияра? Лучше уж пусть убьют, чем такое снова пережить. Когда ты... ну... от меня отворачиваешься. Словно я злодей какой.

– С чего тебе топиться, Рун? – разулыбавшись от этого его счастья, и от своего, добродушно возразила Лала. – Ты же не влюблён в меня. И потом, ты всегда знал, что мы расстанемся рано или поздно. Не было у тебя причин топиться. Я всё правильно сделала. Пусть тебе будет больно, но ты останешься жив.

– Говори что хочешь, только я тебя люблю.

– Я и не спорю, – довольно ответила Лала. – Любишь. Но как друга. Как подругу.

– Как бы не так!

– А вот и так.

– А вот и нет.

Лала лишь фыркнула со смеху, лучась приподнятым настроением.

– Прости меня, Лала, – промолвил Рун сердечно.

– За что?

– За то, что принимаю тебя за девушку. Сам мучаюсь, и мучаю тебя.

– Рун, вдруг если бы не принимал, то и магии бы не было, и быть со мною не хотел?

– Не знаю, Лала. Мы те, кто мы есть.

– Рун, прости и ты меня пожалуйста. За всё. За то, что сделала тебе больно. Там, у барона, – ласково повинилась Лала.

– Это было чума как больно, – с улыбкой поведал Рун. – Я, Лала, давно привык, что люди меня шпыняют. Не хотят быть со мной. Но тебе верил. Полностью. И тут ты вдруг стала... как все. Для меня словно солнце погасло. Как хорошо, что моё солнышко снова сияет мне. Значит ты теперь моя кошечка?

– Вроде как, – весело подтвердила Лала. – Ох, внутри аж гудит всё, и бабочки порхают в животике. Как я счастлива. Прямо мурлыкать хочется. Мур, мур.

Она поскребла пальчиками по его груди, изображая, словно кошка царапает коготками.

– Рун, раз я была такой нехорошей. Сделала тебе больно. Придётся заглаживать вину.

– Я уже в предвкушении, – усмехнулся он.

Лала смотрела на него, смотрела, вдруг чуть привстала, склонилась над ним и нежно поцеловала в щёчку. И тут же опала на него, словно сражённая стрелой.

– Держи меня, Рун, а то упаду, – пролепетала она.

– Куда же ты упадёшь, если мы лежим? – тихо засмеялся Рун.

– Не знаю. У меня сейчас такое чувство... словно я куда-то улетаю. Боже! Надо же... как ты... зажёгся.

Она отрывисто задышала. Рун погладил её по спине.

– Ой, Лала, прости! – спохватился он чуть испуганно. – Не обижайся.

– На... на что? – с трудом проговорила она.

– Ну, что погладил. Мне же нельзя. Ласкать.

– Я и не... заметила... Рун. Трудно что-то... заметить. Когда столько магии. Всё хорошо, Рун.

Вскоре её дыхание начало успокаиваться. Она снова легла нормально, устроившись поудобней. А сама так и светится вся. Рун залюбовался на это, на неё, а она отвечала ему милым доверчивым исполненным бесконечностью тёплых чувств взглядом.

– Рун, послушай, – произнесла она по-доброму.

– Что, Лала?

– Те запреты. Не прикасаться. С нежностью. Наверное больше ни к чему. Тогда мы были ещё чужими. Сейчас нет. И раз мы не способны полюбить друг друга. Ты из-за проклятья, я из-за того, что фея. То нет в том и опасности для нас или бесчестья. Быть ласковыми. В прикосновениях. Делай это иногда отныне. Изредка. Если захочешь. Я не обижусь. Кошечку же можно приласкать. И ей не запрещено ластиться.

Она провела ладошкой по его щеке.

– Только не увлекайся этим. Ладно? Изредка. Просто имей в виду, что я теперь не обижусь. Ты счастлив?

– Да, – отозвался Рун искренне. – Очень. Столько даров.

Бесценных.

– Мне не жалко, – вздохнула Лала в расслабленном умиротворении. – Для тебя нет.

– Лала, – вдруг озабочился Рун.

– Что, мой хороший?

– А это уже была жертва?

– Ты о чём?

– Ну, ты меня поцеловала. Это жертва была? Ты теперь со мной расплатилась?

– А ты сам-то как думаешь, Рун? – улыбнулась Лала лукаво.

– Я не знаю.

– Какая же это жертва? В щёчку это не жертва. Жертва, это когда... Ну... как влюблённые целуются. В губы. Вот это жертва.

– Ну слава богу, – с облегчением вымолвил Рун. – А то как-то странно. Я как бы другого ожидал. От жертвы.

– Ну, это была не она.

– Я рад.

– Между прочим, Рун, ты уже отказался от моей жертвы. Помнишь ты это? – весело поинтересовалась Лала.

– Ох, верно! – озабоченно выдохнул Рун. – Ты меня вынудила, правда. Но... что поделать.

В его голосе Лала отчётливо разобрала нотки неподдельного грустного разочарования.

– Рун, – сказала она, уже без всякой шуточности. – Это

не считается. Я действительно тебя вынудила. Кто ж станет целовать, когда его обидели.

– Ну, ты же это делала ради меня. Значит всё по-честному. Слово есть слово, раз оно принесено, уже не отменишь.

Лала с удивлением воззрилась на него.

– Рун, ну что ты, – мягко попросила она. – Если ты так пытаешься наказать меня, или может себя, за ту обиду, не надо. Пожалуйста!

– Никого я не пытаюсь наказать, – добродушно возразил Рун. – Лала, ну так вышло, что слово дано. Никто не виноват. Тут есть выбор, считать, что оно не считается, или что это результат неудачного стечения обстоятельств. Мне выгодно было бы первое, но честнее будет выбрать второе. Я хочу быть честным. Ничего страшного. Жаль конечно, но обойдусь как-нибудь. Без жертвы. Просто теперь будь поласковее со мной. Таким разнесчастным.

Лала глядела на него, глядела, в растерянной задумчивости. А затем её глазки заодно блеснули.

– Смотри, Рун, – улыбнулась она.

Она приподняла ручку и стала рисовать указательным пальчиком, озарившимся синим светом, в воздухе. За кончиком её пальчика потянулся световой след, не угасая, образуя линии. Она не торопясь соединила их в знак сердечка. Последний тут же вспыхнул, из рисунка материализовавшись в казавшееся состоящим из багряной жидкости ярко красное объёмное сердечко, сверкающее всей поверхностью, на сер-

дечке появились глазки, ротик, носик, оно ожило, уставилось на Руна, вытянуло губки, несколько раз причмокнув ими, комично изображая поцелуй, и вдруг лопнуло, создав облачко алых брызг, быстро растворившихся и исчезнувших, словно ничего и не было.

– Ой! – с удивлением произнёс Рун.

– Вот. Я сейчас колдовала. Без спросу, – озорно похвалилась Лала.

– Да, – кивнул он. И усмехнулся. – Придётся мне тебя оштрафовать.

– Очень придётся, – сияя личиком, подтвердила Лала.

– А не хочешь ещё поколдовать? – с хитрецей в глазах предложил Рун.

– Нет, мой дорогой. Если только без штрафов.

– Без штрафов не интересно.

– Уже и чудеса мои тебе не интересны, милый?

– Ну, интересны. Но штрафы интересны боле.

– Чтож, продолжай мечтать о них.

Лала в умиротворении закрыла глазки.

– Как же хорошо, – проговорила она, лучась счастьем. – Ты такой уютный.

– Могла бы и вторую жертву. Мне подарить, – буркнул Рун с иронией, изображая недовольство. – Как компенсацию за мои обиды. За то, что заставила страдать.

– Бедненький, – весело посочувствовала Лала. – Рун, ты хоть понимаешь, каково пришлось мне? Рассталась с тобой,

причинила тебе горе, а это тяжело, и больно, и некому обнять, и не к кому прижаться, и сколь плохо бы себя не чувствовала, нужно изображать, что мне замечательно. Дабы все поверили, будто я теперь ничего к тебе не испытываю. Ночью лишь поплачешь. Вся подушка была мокрой от слёз. Очень тяжело было.

Её улыбка несколько померкла от неприятных воспоминаний.

– Прости, – с мягким искренним сочувствием повинился Рун. – Я не подумал. И правда.

– Тебе-то полегче было, – продолжила Лала добродушно. – Ты же умеешь вычёркивать из сердца. Тех, кто тебя обидел. А я тосковала. По тебе. Ещё и виноватой себя ощущала.

– Эх, Лала. Когда столько обнимаешь кого-то. Его так просто уже не вычеркнуть, – вздохнул Рун. – Те времена, когда я мог тебя взять и вычеркнуть... кажется, они прошли.

– Ну, мне приятно это слышать, Рун, – умиротворённо сказала Лала, снова впад в безудержное сияние.

Утро неспешно вступало в свои права, отсчитывая минуту за минутой. Давно уж полностью рассвело, подутихло птичье пение, а они всё лежали.

– Лала, ты не спишь? – тихо спросил Рун, любуясь на её счастливое личико.

– Нет. Наслаждаюсь, – отозвалась она ласковым голоском, открыв глазки.

– И я. Наслаждаюсь.

– Настрадались без друг дружки. Теперь в себя приходим, – поведала она тепло.

– Ну да. Только нам всё же надо бы уйти подальше. И пость уже пора. Отдохнули твои ножки?

– Ножки? – с удивлением переспросила Лала, и посмотрела на него озорно. – Ты думаешь, они у меня уставали, Рун?

– А разве нет? Ты говорила, что устали.

– Я тебя обманула, – сообщила она довольноно.

– Вот так фея! – рассмеялся Рун.

– Это была маленькая хитрость. Чтоб помириться с женихом.

– Так я всё ещё жених?

– Всё ещё.

– Но я развеял же как будто два желанья. Кто теперь поверит в это?

– Мне всё равно, Рун.

– А в чём смысл тогда?

– Вот в этом. В том, что между нами.

– Понятно. И ласковыми именами продолжать называть?

– Продолжать, мой котёнок.

– Ну ладно, солнышко моё. Только нам идти всё же надо.

– Ну Рун, ну ещё немножко. Наскучалась, – жалостливо возразила Лала.

– Милая, рассвело уже совсем, – мягко стал убеждать её Рун. – Мы слишком близко к городу, и к замку. Тут же пля-

ются все кому не лень. И грибники, и ягод собиратели, и хвороста, и охотники, и птицеловы, и знахари, травки целительные отыскивая. И разные учёные мужи, ища ингредиенты для алхимии или зелий. Вот мы лежим, и в любой момент кто угодно может сюда явиться. И что он подумает тогда о нас?

– Ну мы же одетые. Что он может подумать? Просто отдыхаем.

– С утра решили отдохнуть, не у себя в постелях, а в лесу, лежим в обнимочку, – поиронизировал Рун. – Слухи пойдут всяческие. А о тебе они быстро расходятся. Вон, собаки лают. Не так уж далеко от нас. Кто-то охотится, похоже. Уйти бы нам подальше.

– Заинька, пять минуточек ещё, и пойдём. Раз ты так хочешь, – предложила свой компромисс Лала.

– Ну хорошо, любовь моя. Эх, до сих пор не верится, что мы снова вместе. Я и не надеялся. И в голову бы не пришло, что так может быть.

– Я тоже не надеялась сперва. Когда расстались, – призналась Лала. – Барон был поначалу столь радушен. Решила у него остаться. Но потом всё стало плохо, страшно. Тогда и обрела опять мечту о воссоединении. Не сомневалась, ты меня простишь, ежели выслушаешь. Боялась лишь, что не захочешь слушать, не откликнешься на мою просьбу прийти. Всё же я тебя очень обидела.

– И что бы ты делала, коли бы я не пришёл?

– Наверное улетела бы в лес. Меня зверюшки приютили бы на время. А позже пришлось бы нового защитника себе искать. Среди людей.

– Может ты всё же что-то путаешь насчёт барона? Неправильно истолковала его слова или поступки?

– Нет, Рун, как тут ошибиться, – с уверенностью молвила Лала. – Сначала был услужлив, а потом, как заметил, что я без магии совсем. Так стал чрезмерно проявлять заботу. И вскоре я уж поняла, что пленница как будто. Никуда нельзя, на ночь запирают, на окнах решёточки, приставили строгую служанку, которая командует скорее, а не служит. И днём она при мне, и ночью, и ей не спится вечно. Благо, под утро всегда засыпала.

– Как же ты сумела уйти из замка?

– Да разве можно фею удержать без пут магических, без договора? Наивно и пытаться. Чуть магии поднакопила, чуть поколдовала, и улетела. Я даже и не волновалась на счёт того, смогу ли вырваться из неволи. Не знала только, куда направиться. Одной быть страшно.

– Лай как будто приблизился. Пойдём, Лала, – принялся уговаривать Рун.

– Ну нет, ну пять минут же не прошли, – просяще возразила Лала. – Наскучалась.

– Так я же никуда не денусь. Идти-то долго до чужих краёв. Наобнимаемся ещё.

– Нет, – упёрлась Лала, сияя улыбкой счастья бесконеч-

ного. – Обещал, так держи слово, мой дорогой. Пять минут.
– А как узнать, что они уже прошли? – усмехнулся Рун.
– Я тебе скажу, как пройдут, – лукаво заверила Лала.
– Ну ладно.

Полежать долго им всё же не удалось. Звук, производимый собаками, явно возрастал по громкости, не оставляя сомнений, что кто-то движется в эту сторону. Рун всё сильнее напрягался, да и Лала начала прислушиваться, не в силах более игнорировать происходящее.

– Ну что за невезение, – пожаловалась она. – Вечно нам кто-нибудь мешает побыть вдвоём. То бабушка твоя, то вот охотники. Всегда есть кто-то.

– В лес уйдём подальше. И там никто не потревожит, – пообещал Рун. – Пойдём, малышка. Сама же видишь, надо. А то точно на нас наткнутся.

– Хорошо, – вздохнула Лала.

Рун тут же поднялся, галантно помог ей встать, надел куртку, и они немедленно поспешили прочь, в направлении от замка. Двигались быстрее, чем обычно, не отвлекаясь на разговоры, оба очень хотели избежать ненужной встречи. Но лай всё равно с каждой минутой лишь приближался. Стало доноситься и лошадиное ржание. В лесу, когда он не чащоба, и нет оврагов рядом никаких, стремление от глаз чужих укрыться порой нетривиальная задача.

– Давай спрячемся, – чуть взволнованно предложил Рун, указав на большое дерево. – Глядишь, мимо проскочат.

– Давай, – кивнула Лала.

Она встала вплотную к стволу, он вплотную к ней, как бы закрыв её собой. Почти что и в объятьях оказались, столь близко друг к другу. Глаза в глаза. Лала улыбалась, с приветливой многозначительной иронией, веселясь – и над происходящим, и над Руном, словно говоря: «только и ищешь повод меня обнять». Он улыбался ей, тоже не без юмора, осознавая всю глупость ситуации, в которой очутился. С девичью таиться от кого-то в лесу... довольно странно и в каком-то смысле нелепо. А если их обнаружат, как это объяснить? Подумают бог знает что. Остаётся только надеяться, что всё же не найдут. Но лай становился ближе и ближе, делая сию надежду всё призрачнее. Вскоре он раздался совсем рядом, окончательно развеяв её.

– Вот незадача, – посетовал Рун шёпотом. – Прямо сюда идут.

Лала лишь рассмеялась тихо.

– Ну что тут сделаешь, смущённый мой жених. Не повезло тебе, – посочувствовала она.

– Теперь уж прятаться нет смысла. Заметят всё равно, – с сожалением констатировал Рун.

Он отступил, перестав укрывать её собой. В этот момент из-за дерева выбежали два средней крупности породистых охотничьих пса, и сразу почтительно сели подле Лалы, излучая безмерное влюблённое дружелюбие.

– Здравствуйте, мои хорошие! – обрадовалась она. Погла-

дила обоих, пробудив в них восторг.

Рун аккуратно выглянул из-за ствола в ту сторону, откуда явились собаки, лелея мысль, вдруг их хозяин далеко, тогда Лала может просто попросить их уйти, дабы они увели его за собой, и проблема решена. Но и здесь его ждало разочарование. Два всадника были уже буквально в двадцати шагах. Он замер, с тревогой ожидая их приближения. Мужчины средних лет, оба черноволосые, оба выбритые, ладная охотничья одежда, у каждого короткий меч за поясом и лук за спиной, добрые кони, добрая сбруя. Хоть и простолюдины, вполне успешные люди. Уверенные выражения лиц. В деревне у народишка не такие лица, не настолько невозмутимые. Подъехали, сразу спешили. Рун думал, что они удивятся Лале, но ни чуть не бывало. Вот на него самого они взирали с некоторой озадаченностью. В лесу незнакомцы для крестьянина не представляют опасности, отнять-то нечего. Однако для девицы определённо представляют. К тому же сия парочка уж слишком спокойно отнеслась к встрече с феей, Рун никак не мог интерпретировать такое их поведение, а неизвестность страшит. Поэтому он очень напрягся. Лала же, в отличие от него, кажется совсем ни испугалась.

– Доброе утро, – радушно поприветствовала она гостей.

– Доброе утро, госпожа фея, – с учтивостью ответили оба, отвесив небольшие поклоны.

– Вы здесь охотитесь? – непринуждённо осведомилась Лала.

– Нет, мы за вами приехали, – бесстрастно сообщил один.

– За мной? – с недоумением посмотрела на него Лала.

– Милорд обеспокоился исчезновением вашим. По всей округе разослал людей, чтобы разыскать вас, госпожа, – объяснил тот.

– Со мной всё хорошо, – заверила Лала, улыбаясь. – Пожалуйста милорду передайте, что у меня всё замечательно, и я прошу меня простить великодушно за то, что дом покинула его, не попрощавшись, не сказав спасибо за кров и пищу, за гостеприимство. Что не забуду доброты его вовек, и что за всё за всё сердечно благодарна.

– Боюсь, нам велено доставить вас к нему, – молвил незнакомец.

– Вам велено?! – поразилась Лала. – Так он посмел послать за мной погоню?! С собаками?!

– Это не погоня. О вашей безопасности тревожась, отдал приказ милорд вас отыскать и в замок привезти.

– Понятно, – покачала головой Лала с чувством глубокого разочарования. – Я с вами не пойду, я не хочу. Барону передайте, что мне боле не требуется его опека.

– У нас приказ чёткий и ясный, госпожа, – вежливым но безапелляционным тоном заявил незнакомец. – Милорд наш повелитель, мы не можем его послушаться. Вам придётся поехать с нами.

– Вы хоть понимаете, кто я? – расстроено поинтересовалась Лала, словно взывая к их здравомыслию.

– Безусловно, – прозвучал ответ.

– А мне кажется, что нет, – совсем огорчилась она, и обратила взор на животных. – Собачки, лошадки, милые, ваши хозяева хотят меня обидеть.

Собаки мгновенно вскочили, утратив всякий намёк на миролюбие, угрожающе зарычали, оскалившись на мужчин. Те потянулись было за мечи, оба изменившись в лице со своей непробиваемой уверенности на лёгкую ошарашенность, однако тут в дело вмешались и лошади – встав на дыбы, стали пытаться ударить их копытами. Лошадь – животное дорогое, и не только материально, но обычно и сердцу того, кто ей владеет, желающих проткнуть свою лошадь мечом вряд ли найдётся слишком много. Незнакомцы попятились в нерешительности и испуге, кажется наконец полностью осознав, что фея не то существо, к которому стоит проявлять непочтительность, вдруг дружно развернулись и кинулись наутёк. Лошади и собаки побежали за ними, с лаем, с ржанием, и вскоре вся эта шумная компания скрылась за деревьями. Рун оторопело застыл, глядя им вслед.

– Рун, ну как же так? – с болезненным непониманием печально произнесла Лала. – В вашем мире, похоже, все забыли, кто такие феи. Ну ладно, не благоговеют некоторые. Ну и пусть. Не обязаны. Но должны же осторожность хотя бы какую-то иметь. Фея может постоять за себя. У нас волшебство. Даже не чародеев послал в погоню. Просто людей. На что он рассчитывал?

– Думал, что у тебя нет магии, – с трудом выговаривая слова, поделился своим предположением Рун.

– Ну... может быть. Но он ошибся. Сильно. Рун, я должна его наказать.

Лала подошла вплотную, словно прося утешения. Личико у неё было очень несчастным. Рун обнял её.

– Кого ты хочешь наказать, родная? – осторожно спросил он.

– Барона вашего, – вздохнула Лала. – Он заслужил. Это должно стать назиданием. Ему и все другим. Кто фей захочет обижать.

– И как ты его накажешь?

– Немножко прокляну. Не навсегда. На несколько недель.

– Ну ладно.

– Я должна, Рун. Нельзя так просто это оставить.

– Должна, значит должна, – ободряюще отозвался Рун. – Поступай, как считаешь правильным, красавица моя.

– Я ещё никогда не делала зла, – грустно поведала Лала. – Это как переступить черту. Назад уж не воротишься. Это навсегда тебя изменит.

– Меня вот дедушка порол не раз. И злым от этого не стал, – принялся убеждать её Рун. – Наказание это не зло. Я на дедушку не в обиде, даже наоборот, за дело порол, умуразуму помог набраться. Никак это тебя не изменит, Лала.

– Изменит, Рун, – не согласилась Лала. – Останется в сердечке тёмным пятнышком.

– Ерунда, – ласково возразил Рун. – В жизни много происходит и хорошего и плохого. Это просто что-то не очень приятное. Я охотник, зверьё убивал. Но я не считаю себя плохим человеком. И тебе не следует себя считать плохой, если по совести поступаешь. Ну или не проклинай его в конце концов. Стоит ли он того, чтобы ты переходила черту?

– Я должна, – с грустью произнесла Лала. – Если я его не накажу, он может не оставить нас в покое. А так оставит точно. И он заслужил. Я уже взрослая, взрослые поступают как надо, а не как хочется. Быть феей – это не только радость дарить чудеса. Но и ответственность. Надо его наказать, Рун.

– Ты мне будешь нравиться и безответственной, – улыбнулся Рун.

Лала промолчала. Так прошло сколько-то времени в безмолвии. Вдруг она решительно взмахнула ручкой, озарившейся ярким синим сиянием. А затем как-то сникла, словно из неё ушли силы.

– Всё, Рун, я теперь злая, – прошептала она. И зарыдала горько и горестно.

Прошёл может час, может два, пока Лала наконец полностью успокоилась. Они сидели под деревом, он держал её в объятьях. Что ей полегчало, трудно было не заметить, её личико излучало умиротворение и счастье. Глазки наполнились жизнерадостным блеском. Она глядела на него чуть

иронично, как бы подтрунивая над тем, что он так её оберегает, и в то же время радуясь этому. Рун улыбнулся ей, этой её радости, Лала разулыбалась в ответ.

– Теперь я понимаю, как та фея обьятий, что в древности служила недоброму человеку, ставшему с её помощью королём, могла выдерживать жестокости, творимые им вокруг, – буркнула она. – Исцеляет полностью сердечко магия обьятий. И ведь это даже не могущество, Рун. Выходит, фея обьятий очень опасна. Способна быть орудием зла, коли попадёт не в те руки.

– А я мог бы королевство завоевать, если бы тебя не отпустил, как думаешь? – полюбопытствовал Рун.

– Мог бы. Наверняка. Я же тогда не была проклята. Раз домой вернулась. Полюбил бы меня, я обрела бы могущество. И всё.

– Да, дела! – покачал Рун головой.

– Но для этого, милый, надо быть очень-очень жестоко-сердным. Чтобы карать всех, кто не склонится пред тобой. Испепелять армии. Разрушать города. Ну и нужно обладать чрезвычайной хитроумностью. Фея не станет делать дурное за тебя. Просто может наделить чем-либо. Силой, богатством, чарами, удачей. Нужно понимать, как правильно её использовать.

– Ясно, – кивнул Рун. – Мне этого не надо. Но так представишь, что был шанс. Завоевать целый мир. Это впечатляет. Лишь одно моё желание, и мир у ног.

– Много горя это бы принесло всем, – произнесла Лала. – И нет гарантий, что ты завоевал бы, даже если бы хотел. Ты юноша неопытный, что-то не считаешь, где-то ошибёшься, кому-то неосмотрительно доверишься. И твои враги тебя уничтожат, а то и те, кого ты считал соратниками, может исподтишка или во сне. Когда ты выступаешь против мира, весь мир и будет недругом твоим.

– Понятно.

– Рун, – робко поглядела на него Лала.

– Что, милая?

– Ты не разлюбишь меня, что я теперь злая?

– Нет, – улыбнулся он. – И с чего ты взяла, что ты злая?

Глупости это.

– Я сделала злое.

– Ну и что. Ты говорила, твоя мама фея мести.

– Да. Возмездия.

– И что, она не мстила никому? Не наказывала?

– Наказывала.

– И что, она злая?

– Она добрая и хорошая.

– Вот видишь. Наказание это просто взрослый поступок.

Как ты сама же и сказала. Без этого не обойтись никак. Родители наказывают деток, когда те озоруют. Так и тут.

Лала вздохнула. Но кажется сравнение с мамой ей помогло.

– Что ты хоть сделала-то ему? Барону. Можно узнать? –

осторожно поинтересовался Рун.

– Жабу.

– Жабу?

– Да. Большую волшебную. Теперь она три недели будет жить у него на голове, и громко говорить по-человечьи «ква-ква, это лживые слова» всякий раз, как услышит из его уст неправду.

Рун расхохотался безудержно.

– Суровые вы существа, феи, – заметил он, продолжая смеяться.

Лала сдержано улыбнулась.

– Он это заслужил, котик. Он нехороший.

– Хотел бы я на это посмотреть, – мечтательно посетовал Рун веселым голосом. – Не переживай, солнышко моё. В этом твоём волшебстве нет ни капли жестокосердия. Оно по сути-то даже доброе. Так, слегка пожурила как бы. И всё.

– Я не переживаю, зайныка. Уже нет. Благодаря тебе, – с теплотой отозвалась Лала. – Немножко грустно. Но это ничего.

Она положила голову ему на грудь, в умиротворении.

– Совестно тебя беспокоить, любимая, но спина уже устала, – с юмором пожаловался Рун. – И в животе пустовато. Может мы поедим? И идти бы нам надо. Я так понял, барон не только этих двоих послал тебя разыскивать. Как бы ещё кто нас не обнаружил из его людей. Или та парочка ему расскажет, где мы. Да и тут вообще народу излишне много ша-

тается всегда. Надо бы уйти.

— Кушать хочется, — добродушно согласилась Лала. — Давай, Рун, покушаем. И уйдём. Раз ты считаешь, что так лучше. Мне полегче уже. Во мне всё равно что-то изменилось. После злых чар. Но кажется я всё же не злая. Я просто ещё больше взрослая теперь. Детство полно радости светлой и беззаботности. Жаль, навсегда там не остаться.

Буквально через пять минут они уж и продолжили путь. Рун решил, нет смысла разгатавливать похлёбки — и дым от костра их выдавал бы, и времени прилично бы ушло, а оставаться боле на этом месте ему не хотелось. Итак излишне задержались, опасно. У него с собой была еда из дома: сыр, хлеб белый, варёный картофель, редис. Лале много ли надо, по кусочку сыра и хлебца, она и насытилась. Рун умял одну картофелину — вполне неплохо подкрепился. Терпимо. Сейчас они снова, как в прошлые времена, держались за руки в пути. Лала летела, а не шла, что позволяло им быстрее продвигаться, к тому же они оба были счастливы, это тоже придавало сил. Рун замечал, что в Лале может и правда что-то и изменилось после того, как она прокляла барона. Словно чуточку налёта задумчивой печали появилось в глазах. Но печаль её была доброй, не мешала ей сиять от счастья, наоборот, казалось, делала сие сияние ещё сильнее. Чтобы ценить счастье, нужно побывать и на несчастной стороне, дабы на контрасте с горестью понимать, как хорошо, коли у тебя

всё хорошо. Наверное это и есть взросление. Когда ты глубже и осознаннее чувствуешь.

– Любимая, – обернулся он к ней на ходу после некоторого раздумья.

– Что, суженый мой? – одарила Лала его радушной улыбкой.

– Тут в лесу, в паре дней пути, живёт ведунья одна. Я предлагаю к ней заглянуть. Она довольно неплоха в своём ремесле. Вдруг поможет. Это нам в общем-то по дороге.

– Хорошо, Рун. А что она умеет?

– Разное. Травки целительные знает. Заговоры. Хвори лечит. Особенно у деток. Когда младенец захворает, трудно ж догадаться, что у него болит, он сам не скажет. Плачет, и только. Идут к ней всегда. Она зимой в деревне живёт. А летом в лесу, травы собирает. Она воск растопленный прольёт над головой младенца, и по тому, какая фигурка вылилась, может определить, что с ним. У моего дяди Яра сынок был. А она как не отольёт над ним воск, всё выходила тройная развилка. Ну то есть три идола, надгробье. Смерть. Трижды отливала, и трижды развилка. Уж как они его берегли после этого, как следили дядя и жена его. Единственный был у них. Змея ужалила. Прямо во дворе.

– Какой ужас! – испуганно выдохнула Лала.

– Ага. А мне маленькому отливала, ничего худого не отливалась. Ну и как видишь, со мной ничего не произошло. Ещё у соседа младенец всё плакал, не могли понять, что с

ним. А отлилась фигурка собаки. Испугался просто очень. Не хворь это была.

– Страшно к такой идти. Жутковато, – призналась Лала.

– Нет, она добрая. Точно не ведьма. Себе на уме конечно старушка. Особенно последнее время. Чудить стала от старости. Но она многим помогла. Никто плохого про неё не скажет. Она же не виновата, если кому-то злое судьбой назначено.

– Всё равно страшно. Феи гаданий на судьбу избегают. Это нехорошее что-то. Неправильно знать свою судьбу.

– Ну, она обычно говорит, что произошло, а не что будет. Только с дядей моим получилось так.

– Жаль его. А я ему ещё в чудесах отказала, – сочувственно посетовала Лала.

– Да это давным-давно было, – объяснил Рун. – Сейчас он снова женился. После того, как овдовел. Скоро первенца ждут. Странно в его возрасте первенца. Но он рад без памяти. У него всё хорошо теперь.

– Чтож, котик, пойдём к ведунье, коли ты считаешь, что так нужно, – согласилась Лала. – Я у неё про травки местные расспрошу. Может тоже смогу зелья делать какие-нибудь тогда.

– Ну, а если не поможет она, отправимся в одно из соседних графств, – продолжил озвучивать свои соображения Рун. – В какое конкретно, решим в пути. Я всё равно дорогу точно не знаю до них, нужно будет заходить в поселения,

узнавать. Думаю, за несколько недель всяко доберёмся. Эх, как не повезло, что вы с бароном поссорились. Дал бы карету тебе, охрану. Быстрее вышло бы, чем пешком по лесу. К тому же и удобней гораздо.

– Значит, мы несколько недель будем одни в лесу? – улыбнулась Лала.

– Да, прости. Я другого выхода не вижу. Если конечно ведунья не поможет снять твоё проклятье. Тяжело тебе наверное будет столько лететь?

– Зато наобнимаемся теперь, – мечтательно сказала Лала. – И никакой строгой бабушки Иды.

– Ну, это да, – усмехнулся Рун. – Не заобнимай меня только до смерти. А то придётся тебе искать другого кавалера. В лесу это сложно.

– Я фея, я магией найду, – весело успокоила его Лала. – Охотники-то есть поди.

– Охотники есть, – кивнул Рун.

Он вдруг остановился, притянул её к себе и обхватил руками, светясь от радости:

– Попалась, которая целовалась?

– Вот уж и целовалась, – смущённо буркнула Лала, покраснев, с юмором глядя на него. – Так, в щёчку разок.

– Всё равно. Что это ты так раздобрилась? И поцелуй, и ласкать можно.

– Должна же я тебя как-то вознаградить.

– Награда шикарная, – признал Рун.

– Не отпусти меня только смотри, Рун, раз схватил. А то голова кружится. Отвыкла от магии твоей за эти дни, теперь снова привыкать придётся, – проговорила Лала, сияя бесконечно счастливым личиком.

– Теперь уж не отпущу, красавица моя, – тепло заверил он.

Денёк шёл своим чередом, Лала и Рун всё дальше и дальше отдалялись от замка и городка. Медленнее, чем хотелось бы Руну, но всё же быстрее, чем он опасался, что они будут передвигаться, с учётом вполне ожидаемых регулярных остановок для привалов с объятьями. Да и для объятий без привалов тоже – то ей захочется нестерпимо, то вдруг ему самому. Наскучались оба, и оба слишком счастливы были от воссоединения. И это счастье друг от друга искало выхода, и находило оный время от времени вот в том – в возможности почувствовать тепло чужого сердца. Если бы Рун не напоминал каждый раз Лале, что надо бы продолжить путь, они безусловно недалеко ушли бы в таких условиях. Но он напоминал, а она добродушно соглашалась, иногда протестуя в шутку, для вида, иногда весело изображая смирение со своей нелёгкой девичьей судьбой. Никак она не могла утолить до конца жажду прильнуть к нему. И всё же счастлива была безмерно. И не только от объятий. Просто была счастлива. Поначалу Руну это очень напоминало последние из дней, ко-

гда они шли в деревню. Словно вернулся в тот период. Лес, они вдвоём, в дороге, держатся за руки. Радуются тому, что вместе. Однако вскоре он чётко осознал: сейчас всё сильно иначе. Тогда ему казалось, не может быть отношений ближе и доверительнее. Но нет, с тех пор многое изменилось меж ними, они стали женихом и невестой, пусть и не по настоящему, для них стало нормальным ласково называть друг друга, ласково относиться к друг другу. Не дружески, а именно ласково. И даже временами нежно. Сейчас было намного ближе, чем тогда.

Впрочем, имелось от того путешествия и ещё одно отличие, уже не в лучшую сторону. В те дни их цели были проще и определённой, требовалось всего лишь довести Лалу до деревни, и всё. Отсутствовали причины за неё излишне волноваться. Ныне поводов для тревог стало гораздо больше. Лала и теперь выглядела вполне беспечной, может не осознавала до конца происходящее, может чересчур была поглощена счастьем, Рун же чувствовал некоторую озабоченность и свою ответственность. Дальняя им предстояла дорога, что их ждёт в пути, неизвестно, что в конце того пути, тоже бог его знает. Найдут они лорда-защитника для Лалы или нет, выдюжит ли она столь длительное пешее странствование, хватит ли ей сил на него, не жестоко ли вот так водить её по лесам? Оставалось жить надеждами на лучшее и верой в правильность своих решений. Гораздо более, чем в прошлом, боялся Рун так же сейчас и ненужных встреч. И

основания для этого у него были. Иногда до них доносились звуки явно человеческого происхождения. То рог охотничий протрубит где-то вдалеке, то перекликается кто-то на отдалении. Один раз они почуяли дым и слышали голоса совсем рядом, осторожно взяли направление в сторону, и удачно смогли уйти незамеченными.

– Вот видишь, Лала, я тебе правду говорил, – поведал Рун, как только счёл, что они отделились от чужаков на безопасное расстояние. – Много тут народу шатается. Лес вроде и большой, но очень уж близко к городу. Мы с тобой когда в деревню шли, как я тебя поймал, мы древним лесом шли, он более безлюдный, городские туда особо не ходят, несподручно, только наши, деревенские, городские хаживают сюда, а их вон сколько в городе-то живёт. Не сосчитаешь. И знатных хватает, они в полях-то не работают, развлекают себя охотой часто. К тому же в этом лесу деревья гораздо реже, тут на лошадях вполне можно передвигаться. Меньше волков и медведей. Больше полян с ягодами. Поэтому сюда люд прёт. Так что поаккуратнее надо быть, пока далеко не уйдём. Чтобы не наткнуться ни на кого. Ну и привалы пореже и покороче стоит делать.

– Рун, а почему мы так боимся людей? – полюбопытствовала Лала. – Ну встретим, ну и что, поздороваемся да дальше пойдём. Или ты всё слуг барона опасаясь? Ты не переживай, я нас защищу от них. У меня теперь есть магия.

– Лучше не рисковать лишний раз, любовь моя, – объяс-

нил Рун. – В деревне-то злодеев нет, а в городе кажется всего хватает, вдруг на злого человека наткнёшься. Зачем это нам? Да и от людей барона всё равно следует побережиться. Мало ли. Что как у тебя не получится защититься? Или магию всю истратишь ненароком. Или придут они, но не станут пытаться тебя неволить, а просто увяжутся за нами, уговаривая вернуться либо отменить жабу. Ты же в таком случае не будешь против них колдовать, верно? И что тогда? Вот представь, в лесу у замка нас уже видели те двое. Ежели кто-то увидит ещё и тут, прямую линию прочертить не сложно, сразу смогут вычислить, куда мы направляемся, где нас искать. В общем, разумнее всего стараться никому не попадаться на глаза. Так спокойнее.

– Рун, у меня ножки устали, – произнесла Лала, очень жалостливо, с безупречной правдоподобностью, однако комизм происходящего заключался в том, что вообще-то она летела, а не шла.

– Может всё же крылышки? – с иронией посмотрел на неё Рун.

– Ой, ну да, крылышки, – озорно поправилась Лала.

– Ну иди, иди ко мне, красавица моя, – рассмеялся он, притянув её к себе.

Лала лишь счастливо вздохнула.

– Только давай минутку, не больше. Идти надо, – попросил Рун.

– Минутку не получится, суженый мой, – улыбнулась Ла-

ла. – Если ты меняпустишь, я упаду. Мне нужно сколько-то времени, чтобы прийти в себя.

– Ох, Лала, – мягко пожурил её он. – Коли так всё и будет дальше, боюсь мы и за месяц никуда не дойдём.

– Ну и что, – ответствовала она умиротворённо. – Я никуда не тороплюсь, любимый. Я уже смирилась, что надолго тут.

– Что, и домой уже не хочешь? – усмехнулся Рун.

– Почему же не хочу. Хочу, – честно поведала Лала. – Но если до другого лорда долог путь. Неделей больше иль неделей меньше мы будем добираться до него. Как будто всё одно, и так и этак долго. Зачем же и спешить тогда, мой зайка? Раз нам столь хорошо вдвоём сейчас. В неторопливости значительно приятней моментом наслаждаться.

– Пожалуй так, – кивнул Рун.

– Вот придём мы к лорду, поселит он меня в своём замке. И кем ты себя мне объявишь? И как мы будем обниматься? – озабоченно поинтересовалась Лала.

– И что ж теперь, в лесу остаться жить? – пожал Рун плечами. – Я не знаю, солнышко моё, что с этим делать. Даже если невестой и женихом снова назваться, это ж не в собственной избе, где хоть заобнимайся. У лорда так не выйдет.

– Ты, котик мой, желания свои развеять попросил меня прилюдно. Молва об этом всё равно дойдёт, куда бы мы с тобою не явились. Не назовёшься сужеными боле, – посетовала Лала.

– Скажешь, полюбила. Такого раскрасавца. Сама, без всяких пожеланий, – с юмором предложил Рун. – А я не устоял перед твоими чарами. Что тут сделаешь. Это даже не будет неправдой.

– Феи не влюбляются в людей, зайныка. Вашим учёным мужам сие должно быть известно. Без волшебства тут никак. Нас разоблачат, и скоро, – ответила Лала, улыбаясь.

– Может и нет, – поделился соображением Рун. – Не думаю, что много есть учёных, кто сильно просвещён в вопросах фей. Увидят, как ты счастлива со мной, засомневаются, начнут предполагать, что в книгах их допущены ошибки. Да и народ простой, на нас взирая, наверняка в их знаниях усомнится.

– Рун, что феи не влюбляются в людей, это непреложная истина. Тут не в чем сомневаться, – добродушно объяснила Лала. – И нам важно не что народ простой подумает, а как воспримет наши отношения лорд. А лорды просвещённые мужи, не глупые.

– Ну, у нас ещё есть несколько недель, чтобы что-то придумать. Будем думать, – сказал Рун.

– Лично я планирую другое на эти недели, милый, – весело посмотрела на него Лала. – Не мыслям предаваться, а объятьям. И наслаждаться ими. Вряд ли мне удастся слишком много размышлять, когда ты рядом, и вокруг нет никого, кто мог бы помешать нам хоть немножко. Тебе придётся думать за двоих.

– Я постараюсь, славная моя, – заверил Рун без всякой шуточности. – Знаешь Лала. Возможно ты зря переживаешь. Вдруг в тех краях магии сильнее будут. А сильнее они будут наверняка. У нас тут глушь, и то свой маг, довольно неплохой, барону служит. Может вернёшься ты к себе в свой мир, вот и всё. И не нужно будет ничего изобретать для оправдания наших отношений.

– Может и так, Рун. А может и нет.

– Так или иначе мы расстанемся когда-то. Рано или поздно, – с сожалением молвил Рун. – Раз ты не хочешь замуж за меня. Всё равно наши объятия прекратятся. Так что если мы у лорда не сможем их продолжать, что поделать. Знать пришло для этого время, знать так суждено.

– Не суждено! – горячо возразила Лала. – Это будет просто означать, что мы недостаточно стараний приложили, чтоб сохранить сие чудесное меж нами. И ещё, что я буду несчастна теперь. Ты этого желаешь для меня, жених мой ненаглядный? Я нет.

– Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива, – рассмеялся Рун. – Я постараюсь что-нибудь придумать, любимая невеста.

– Главное, Рун, не упускать то счастье, которое у нас сейчас. Не пропустить его в заботах о грядущем. Давай наслаждаться им, – попросила Лала.

– Я только за, солнышко моё, – ласково ответил он.

Приближался вечер. Рун подуспокоился. Они ушли уже довольно далеко от города, пусть и не настолько далеко, как хотелось бы, но всё же. Прилично отдалились, значительно снизив вероятность наткнуться на кого-то. Как известно, большинство грибников, хворостособирателей и им подобных предпочитают ночевать дома, соответственно не уходят от него далее чем на пол дня пешего пути. Превысь чуть-чуть это расстояние, и их количество на единицу лесной площади сильно поубавится. Плюс, и сама сия площадь с каждой новой проделанной от города верстой существенно прирастает, позволяя легче затеряться в ней. Недаром давно уж всё стихло вокруг. За последние часов шесть ни разу не почувял Рун и намёка на дым от костров, постепенно перестали тревожить собой воздух производимые людьми звуки. Хорошо было в лесу. Лала кажется совсем оправилась от своих недобрых чар. Тот налёт грусти, что был у неё в глазах после наказания барона, полностью исчез. К тому же с ней случилось одно чрезвычайно приятное происшествие, весьма поспособствовав улучшению её настроения. В какой-то момент к ней, неожиданно вынырнув из-за кустов, подбежала лиса. Упитанная и очень весёлая. Лала склонилась к ней, чтобы погладить, а та и лапками обнимет, и лизнёт в лицо. Радовалась безмерно, пробуждая в Лале ответную столь же бурную радость. Рун видел лис крайне редко, и живём лишь издали, животное хитрое, осторожное, мех её ценится, но

изловить сложно, а мясо годится в пищу если только в голод. Тем, кто не занимается профессионально заготовкой пуш-
нины, не имеет капканов, особых ловушек, собачьей своры,
и т.д., связей со скупщиками шкур и скорняками, нет смыс-
ла тратить время и силы, гоняясь за единичными экзempla-
рами. Он наблюдал за лисой с огромным интересом, потом
решился тоже попробовать погладить, а она и ему была не
менее рада. Доверяла полностью. Вот когда начинаешь ис-
пытывать сожаление и чувство вины от того, что ты охотник.
Как можно отнять жизнь у такого жизнелюбивого и добро-
го существа? Правда существо-то само охотник. Зайчиков и
мышек с удовольствием слопает. И если в курятник пробе-
рётся, плохо будет курам. И горестно хозяевам. Но всё же
жаль, что в мире всё так устроено. Ещё долго после того, как
лисичка убежала от них по свои делам, Лала прямо свети-
лась от этой встречи. Да и Руну было веселее на сердце.

За день свою жажду объятий Лала вроде бы более-ме-
нее утолила. Летела, бесконечно счастливая, сияя личиком.
Остановки у них стали происходить пореже. Они передвига-
лись меж вековых деревьев, держась за руки, иногда говори-
ли о разных пустяках, иногда молчали, потому что и молча
вдвоём было очень хорошо. Сейчас, в очередной из таких
периодов безмолвия, Лала начала тихо напевать, как делала
обычно, когда ей было особенно приятно на душе. Ту неза-
тейливую мелодию, которая так нравилась Руну, эти свои
милые «ла-лала-лала». Напевала, и бросала на него взгляды,

полные приятного очарования.

– Чего это ты на меня так загадочно поглядываешь всё время? – со смехом поинтересовался он, в конце концов обратив внимание на это её странное поведение.

– А то ты прям не знаешь, Рун, – довольно ответила Лала.

– Не знаю, – улыбаясь, чистосердечно признался он.

– Ну, мы же в лесу.

– И?

– Скоро ночь.

Рун продолжал смотреть на неё с искренним добродушным непониманием.

– Какой ты недогадливый, – чуть осуждающе подивилась Лала. – Ну тут же нет бабулечки твоей. Скоро ночечка. Наконец-то будем спать вдвоём. Столько мечтала об этом. И вот дождалась. Уже почти. Ла-лала-лала.

– Ах, это, – рассмеялся Рун.

– Это.

– Вот не думал. Что ты этого так ждёшь, – с теплотой поведал он.

– А что ты подумал? – полюбопытствовала Лала, буравя его весёлыми глазками.

– Ничего, – пожал Рун плечами.

– А тебе прям всё равно, Рун? Что мы будем вместе сегодня ночью.

– Лала, мы же с тобой всё-таки разные, – беззлобно произнёс он. – Ты, чем я ближе, тем счастливее. А я счастлив

одинаково от твоего присутствия. Чуть ближе, чуть дальше, не важно. Когда чуть дальше, можно на тебя полюбоваться. Тоже счастье. Если бы мне было запрещено тебя обнимать, думаю, любое прикосновение к тебе было бы особенным счастьем. А раз не запрещено, это... просто становится частью одного большого счастья, от того, что ты со мной. Когда ты рядом, когда улыбаешься мне, для меня сие в точности то же самое, как если бы мы обнимались.

– Так ты счастлив, Рун? От того, что мы вместе?

– А то ты не видишь.

– Я тоже очень счастлива. Даже когда мы не обнимаемся.

– Потому что знаешь, что мы всё равно скоро будем. Это делать, – усмехнулся Рун.

Лала вдруг подлетела к нему вплотную.

– Соскучилась? – с юмором спросил он.

Она кивнула, приветливо и очаровательно глядя на него. Он обхватил её руками.

– Счастье моё голубоглазое.

– Милый, что если мы на ночлег уже остановимся? Я немножко устала. Правда, – мягко попросила Лала.

– Конечно, – сразу согласился Рун. – Только давай костра не разводить. А то вдруг дым учует или заметит кто. Не охота на ночь так своё положение всем выдавать. Близковато ещё к городу. Лучше побережься. Еда у меня есть, готовая, из дома. Варить её не надо. Обойдёмся без костра, не зябко тебе будет?

– Я от тебя погреюсь, возлюбленный мой, – разулыбалась Лала.

– Ну, отлично.

Они как раз вышли на довольно просторную полянку, на ней Рун и решил разбить лагерь, если это так можно назвать. Малость примял низкую лесную травку, постелил Лале свою куртку, достал из сумки кусок серой материи, расстелил подле, разложил на нём их нехитрую снедь. Усадил Лалу отдыхать, сам немного пособирал ягоды земляники, которые обнаружились прямо здесь же, на полянке. Ягод было мало, но сколько там нужно Лале, чтобы насытиться, горсти вполне достаточно. На этом все его действия по обустройству лагеря и закончились. Погода стояла замечательная, ясное небо, безветрие, шалаш от ненастья мастерить нет нужды, ветки для костра собирать тоже не надо, воды во фляге ещё полно, то есть и пытаться отыскать ручей отсутствует необходимость. Лала, пока он собирал землянику, поглядывала на него, так и напевая тихонько, с сияющим личиком, словно само воплощение радости бытия. Рун вернулся к ней.

– Всё предвкушаешь? Нашу ночь, – весело поинтересовался он, усаживаясь подле неё.

– Да. Ла-лала-лала.

– Вот, держи, любимая, – он протянул ей землянику.

– Спасибо, мой рыцарь, – с благодарностью отозвалась она. Поднесла ягоды к лицу, вдохнула аромат, улыбнулась восторженно. – Как пахнут!

Рун взял картофелину, отломил чуть хлеба.

– Ты, Лала, пахнешь лучше, – сказал он. – Я словно на поляне из цветов весенних всегда, когда ты рядом. Соскучился по этому. По тебе, и даже по твоему благоуханию. Так приятно снова это чувствовать.

– Феям объятий многое дано, милый, что касемо способности нравиться, – добродушно объяснила Лала. – Всё в нас направленно, чтобы пробуждать к себе чувства у мужчин. Не будет магии, исчезнет постепенно и благоухание.

– Прямо источник жизни какой-то эта ваша магия. Как еда для человека. Силы телу даёт.

– Это скорее источник нашей сущности, Рун. Без магии мы почти подобны людям.

– А почему люди и феи так похожи?

– Откуда же мне знать, суженый мой, – улыбнулась Лала. – Боги так захотели.

– Зачем богам делать нас столь схожими, но не позволять вам любить нас? Как-то несправедливо, – задумчиво посетовал Рун.

– Всё хочешь меня в жёны?

– Хочу.

– Ну, будешь в храме в следующий раз, Рун, спроси у идолов, почему феям не дано в тебя влюбляться. Вдруг да ответят, – лукаво посоветовала Лала.

– Помолюсь, чтобы ты в меня влюбилась, – с юмором посмотрел на неё Рун. – Боги ко мне благосклонны, удачей ода-

ривают, тебя например послали. Исполнят моё пожелание, влюбишься, а я тебя в жёны-то и не возьму. Вот и поймёшь тогда, каково мне.

Лала рассмеялась звонко от всей души.

– Сколь изощрённое ты наказание придумал для бедной незащитной феи, – подивилась она сквозь переливы своего дивного смеха. – Какой жестокий и мстительный у меня кавалер.

– Какой есть. Ты ещё не знаешь всей глубины моего коварства. В деревне-то знают. Неспроста же меня сторонятся, – не унимался Рун.

– Да уж, – только и смогла вымолвить Лала, безудержно сияя.

Рун вздохнул, тоже чувствуя себя очень счастливым.

– Как же хорошо с тобой, Лала, – произнёс он расслабленно. – До сих пор не верится, что мы снова вместе. Ко мне всё же боги и правда очень благосклонны.

– Мне тоже очень хорошо. Поёт сердечко, – призналась Лала. – И облегчение большое. Не страшно. Долго было страшно, когда барон стал ко мне другим. А сейчас легко на душе. Знаешь, Рун, в твоём домике, у вас с бабушкой Идой, мне тоже было очень хорошо. Вспоминаю теперь наши деньки, нашу милую лавочку. Как мы закаты на ней встречали, обнимаясь. Чем-то похоже на тихую семейную идиллию. Если бы мы женаты были, то наверное так и проводили наши вечера. После дня дел и забот шли бы на нашу лавочку, об-

нимались, любовались бы на алое зарево в небесах, наслаждаясь счастьем и друг другом. Вели бы тихие приятные беседы. Даже скучаю уже по той жизни.

– Ну, теоретически мы возможно могли бы вернуться, – поделился мыслью Рун. – Вряд ли после жабы барон рискнёт тебя снова обидеть.

– Ах, зайныка, после того, что произошло, никак мне нельзя возвращаться в деревню. Это его земли. Я тут в гостях. И гость я ныне нежеланный. Да и сама тут не хочу быть.

– Насчёт нежеланной я бы поспорил, – возразил Рун. – Признает, что был неправ, прощение вымолит с великою охотой, как мне кажется, помиритесь, и будет снова перед тобою расстилаться в любезностях, и радоваться этому.

– Может и так. Но я его боюсь. Я ему больше не верю, Рун, – с сожалением сказала Лала. – Он непорядочный. И за тебя опасаюсь. Вдруг он тебе худое причинит. И люди ваши тебе зла желали. Увидят нас снова вместе, что если опять гневаться на тебя станут? И как обниматься теперь при них, когда ты по их мнению уже мне не жених?

– Тяжело тебе будет, солнышко моё, по лесам неделями летать, – заметил Рун.

– Не тяжело. Если будет к кому прижаться на ночь, – горячо заверила Лала.

– Это сколько хочешь, – улыбнулся он.

– Милый, ты уже покушал? – поинтересовалась Лала многозначительно.

– Ага.

– Тогда давай ложиться.

– Да рано же ещё. Не заснуть, – весело отозвался Рун.

– Я очень-очень устала, мой котик, – поведала Лала чуть иронично, но всё же с нотками мягкой искренности в голосе.

– Сейчас.

Рун убрал остатки еды в сумку, отряхнул кусок материи от крошек.

– Ложись, моя красавица, – молвил он ласково.

Крылышки Лалы сразу опали, она улеглась на куртке. Рун укрыл её материей и сам лёг рядом. Лала прижалась к нему.

– Ла-лала-лала, – замурлыкала она тихонько.

И столько было светлой радости на её личике, и столько счастья простодушного, и бесконечность теплоты, и приязни, и трогательной доверчивости. Много всего. Словно ребёнок, у которого осуществилась самая заветная самая бесхитростная и добрая мечта. Ну вот что-то такое.

– Странные вы всё же существа, – усмехнулся Рун. – Феи объятий.

– Что-то у тебя опять сердечко зачастило, как в наши первые дни, зайныка, – невинно побуравила его Лала сияющими глазками.

– Волнительно, – вздохнул он. – Отвык.

– И что же тебя так волнует, суженый мой?

– А вот догадайся, – с юмором ответил он.

Лала долго смотрела на него приветливо, ничего не гово-

ря, а потом вдруг её взгляд стал каким-то особенно беззащитным.

– Любимый.

– Что, голубка моя?

– Ты никогда не хотел... прикоснуться ко мне... там где нельзя. Пока я сплю? – спросила она мягко, продолжая глядеть ему в глаза.

– Вот те раз. С чего такие вопросы? – удивился Рун. – Тоже отвыкла?

– Ну, ты же парень. Мужчин влекут... женские тела, – пояснила она извиняющимся тоном.

– Я и раньше был парнем, не впервые вместе ложимся. Чего вдруг сейчас этим озаботилась? – продолжал излучать недоумение Рун. – Я дал тебе какой-то повод?

– Нет, нет, мой славный, – заверила она по-доброму. – Просто... раньше, когда мы спали вдвоём... это происходило ещё до деревни, в лесу. У нас были несколько иные отношения. Однако я и тогда чуточку опасалась. Ты хороший, но что как в тебе проснётся твоя мужская природа, и ты не удержишься?

– Лала, я никогда не причиню тебе обид, – с чувством произнёс Рун. – Ради чего мне это делать?! В чём выгода?! Одним прикосновением разрушить всё, что было между нами? Пойми, ты мне очень нравишься. Мне нравится любоваться, как ты лучишься счастьем. И будет горестно видеть, как ты грустишь. И будет мерзко, если я тебя расстрою. Обижу

столь ужасно.

– Но если я сплю и не узнаю, Рун? Тогда ведь не обижусь.

– Ну и что. Я-то буду знать. Лала! Как мне потом оставаться подле тебя, ощущая себя подлецом и ничтожеством? Неужели ты не чувствуешь, насколько ты дорога мне? Я скорее отрежу себе руку, чем прикоснусь к тебе с желанием оскорбить. Или сделать дурно. Ты меня влечёшь гораздо больше, Лала. Чем твоё тело.

– Я верю тебе, мой рыцарь, – очень серьёзно сказала Лала. – Я больше никогда не буду сомневаться в тебе. Даже на ноготок. Даже на капельку. Никогда не подумаю про тебя худого. Я и раньше не думала. Но немножко было боязно. Всё же ты парень.

– А ты моя кошечка, – улыбнулся он.

– Мяу, – умиротворённо поговорила Лала. – Так уютно, Рун. С тобой. У барона я спала на мягкой кровати. На пуховой перинке. Но здесь сейчас уютней и теплей. Спасибо, милый.

– Лала, ты такая доверчивая, – порадовался Рун. – Что если я тебе наврал с три короба? А сам только и мечтаю... прикасаться, прикасаться.

Его наполненный шутливыми интонациями голос не оставлял ей сомнений, что он это не всерьёз.

– Я не настолько доверчивая, как тебе кажется, Рун, – весело ответила она. – Например сейчас я тебе не верю.

– Знаешь, Лала, – молвил Рун уже без всякой шуточно-

сти. – Я всегда боялся, когда мы вместе спали, что могу тебе случайно худое причинить. И до сих пор этого побаиваюсь. Вдруг выйдет так, что стану во сне ворочаться, и навалюсь сильно, или ударю ненароком, или пихну больно, или... ну.... рука попадёт куда-то не туда. Куда нельзя. И тем тебя обижу страшно.

– Рун, руками-то ты двигаешь порой. Что делать, у всего есть недостатки. Отодвинешь, да спишь дальше. Я не обижаюсь, – очень мягко поведала Лала. – Обижает, когда намеренно это делают.

– Спасибо за веру в меня, что я не нарочно. Но вдруг глубоко внутри всё равно сомневаешься? Что притворяюсь, будто сплю, дабы остаться безнаказанным.

Лала рассмеялась.

– Наивный ты, Рун. Когда б ты притворяясь это делал, то волновался бы, сердечко б у тебя стучало быстро, дыхание бы было учащённым. От меня бы это никак не укрылось. Сразу бы поняла, что не спишь. Ты не нарочно, я это точно знаю, не сомневайся. Я в тебя верю, зайнька, но тут мне вера не нужна. Потому что всё слишком очевидно.

– Вот чёрт, ничего от тебя не утаишь, – покачал головой Рун в деланном сожалении.

– Ничего, – подтвердила Лала, улыбаясь. – Феи объятий хорошо разбираются в таких вещах. Ты у меня как на ладони, Рун.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Я тебя люблю, а ты считаешь, это просто дружеские чувства.

– Это и есть дружеские чувства, жених мой дорогой.

– А может быть дружеская любовь между парнем и девушкой?

– Между парнем и девушкой может и нет. А между парнем и проклятой феей объятий вполне себе да.

– Или тебе просто удобно так считать. Мучаешь меня, а совесть чиста, – не без иронии укорил её Рун.

– Бедняжка, весь измучился, – добродушно посочувствовала Лала. – Значит сегодня тебе, Рун, предстоит очень-очень мучительная ночечка.

Она сладко зевнула.

– Смотри-ка, и правда спать хочешь, – подивился Рун.

– Притомилась за денёк, – кивнула Лала умиротворённо. – И прошлую ночь почти не спала.

– Ну, тогда засыпай, милая. А я ещё немножко полюбуюсь на твою красоту. Соскучился по этому дивному зрелищу, – ласково произнёс Рун.

Она закрыла глазки, продолжая безудержно сиять счастьем.

– Ты такой хороший, мой котик, – проговорила она сонно. – Знаешь ты это?

– Завтра мне об этом расскажешь поподробней, – усмехнулся Рун.

Пробудился Рун не так чтобы очень рано, но и не слишком поздно. Уже полностью рассвело. Повсюду весело перекликались лесные певички птички, было немного холодно, пахло лесом и свежестью. Лала спала рядом. Он поглядел на неё и разулыбался. Столько счастья отражалось на её личике, ну прямо светится. Умели бы люди так счастливо спать, кто бы захотел просыпаться. Хотя проснуться рядом с ней тоже счастье. Огромное, бесконечное. Полюбоваться на это сияние. Словно окунаешься в море радости жизни, когда лицезришь. Лала видимо всё же замёрзла, очень плотно к нему прильнула во сне. Рун почувствовал себя виноватым перед ней. Не развёл огонь. Правда кто ж знал, что ночь будет такой, одна из самых прохладных за последние месяца полтора. Но всё ж таки стыдно. С перебором подстраховался. Вряд ли бы кого-то привлёк их костёр, у всех есть свои. Он решил разжечь хотя бы сейчас, заодно похлёбку сварить, накормить Лалу горячим. В похлёбку к грибам да кореньям можно сыру добавить, будет сырная похлёбка, прямо роскошь для леса. Как говорится, когда вкусно, и жить не грустно. Ещё больше порадует невесту свою. Есть только одна проблема – чтобы готовить, нужно как-то подняться. Он очень осторожно попытался отстраниться от Лалы, но лишь меж их телами возник небольшой просвет, она тут же снова придвинулась плотно, и открыла глаза. Смотрела на него своими огромны-

ми чудесными очами, продолжая ослепительно сиять.

– Доброе утро, суженый мой, – приветливо молвила она.

– И тебе доброе, красавица, – улыбнулся Рун. – Прости, что разбудил.

– Да ничего. А ты что, куда-то уходишь? Как будто соби-
рался меня оставить, – любопытствовала Лала.

– Костёр надо разжечь. Да похлёбку сварить, – объяснил он.

– Милый, давай ещё поспим, – ласково-ласково попроси-
ла Лала. – Так хорошо. Не хочется вставать.

– Конечно поспи, а я пока всё сделаю, – кивнул Рун.

– Нет, мне хорошо с тобой, а не одной. Побудь ещё со
мною. Немножко, – произнесла она. Её голосок был полон
нежных трогательных ноток.

– Ну ладно, – с охотой согласился Рун. – Тоже не хочу от
тебя отходить. Наскучался за дни разлуки.

Лала радостно разулыбалась.

– Рун, – сказала она, излучая на него всё своё девичье оба-
яние. Её зрачки вдруг заблестели, словно озарившись озор-
ным добрым светом.

– Что, любимая?

– Я тоже наскучалась. Давай сегодня никуда не пойдём.
Помнишь, как мы провели целый денёк на берегу. В объ-
ятьях друг дружку согревая. Давай и сегодня так. Пожалуйста.

– Солнышко моё, я бы сам этого очень хотел. Очень, – по-
ведал Рун мягко. – Только мы всё же довольно близко к зам-

ку, к городу. Вот представь, обнимаемся мы. В лесу, среди
древ, словно укрывшись ото всех. А тут какой-нибудь охот-
ник. И что же он подумает? Стыдно это будет. Испортит нам
всё. Ещё люди начнут сплетничать да судачить. Додумывать
то, чего и в помине не было. Или вдруг всё ещё погоня за то-
бой есть? Тебе придётся опять наказывать. Ты расстроишь-
ся, станешь переживать, вот это праздник будет у нас.

Лала молчала, явно разочарованная.

– Мы же всё равно в дальний путь отправляемся, – про-
должил Рун. – Так к чему подобные риски? Коли у нас будет
полно возможностей для безопасного уединения. Давай, как
отойдём далеко, на сколько-то дней от города. Тут и устро-
им. День объятий.

– Правда-правда?! – с затаённым восторгом и надеждой
выдохнула Лала.

– Да, – тепло улыбнулся он.

– Ой, спасибо, мой славный! – воодушевилась Лала. – Ты
очень добрый! Жаль столько ждать придётся. Прямо умру от
нетерпения теперь. Как выдержать несколько денёчков ожи-
даний?

– Ночами буду охлаждать твоё нетерпение, – усмехнулся
Рун.

– Ну да, – кивнула Лала. – Это поможет. Ой-ёй-ёй, какая
я счастливая! Ла-лала-лала.

– Рад, что смог угодить. Столь распрекрасной деве, – до-
вольно заметил Рун.

– Рун, – посмотрела на него Лала с ласковым невинным очарованием.

– Что, красавица моя?

– А нельзя два... дня? Объятий. Раз уж придётся столько терпеть.

– Какая ты хитренькая, – покачал он головой весело. – Ладно, давай уж три дня. Для ровного счёта.

– Честно-честно? – недоверчиво спросила Лала.

– Лала, ну я ведь тоже этого хочу, – чистосердечно ответил он. – Когда ещё так выйдет. Просто побыть вдвоём. Чтоб никаких дел, только ради друг друга. Там есть места. Очень красивые. Озеро огромное, высокие холмы за ним. Остановимся на берегу. И целых три дня. Ты будешь моя.

– Ой-ёй-ёй! – только и смогла вымолвить Лала в безмерном восхищении. – Спасибо, мой хороший! Ты самый лучший у меня.

– Боюсь, надоем тебе за три дня, – с юмором посетовал Рун.

– Так не бывает, жених мой ненаглядный, – радушно улыбаясь, заверила Лала. – Ох, Рун, это ведь очень романтично! Словно дивное свидание. В красивом месте. Дарить тепло сердец друг другу. Обнимать. Три дня. Похоже чем-то на свадебное путешествие.

– Лала, тебе не кажется, что это немного странно? Для тех кто не влюблён и не планирует пожениться? – аккуратно поинтересовался Рун.

– Для двоих людей быть может, Рун. Для человека и феи объятий наверное всё же нет, – возразила Лала. – Не нужно искать плохое в таком хорошем, любимый. Послушай своё сердце, оно же шепчет тебе, что это что-то очень-очень хорошее, разве нет?

– Лала, оно не шепчет. Оно поёт. Во весь свой голос. От счастья, что будет те три дня с тобой.

– Моё тоже поёт, Рун. Ла-лала-лала. Ла-лала-лала. Теперь бы только дожждаться. Нужно скорее идти, – вдруг заторопилась она.

– Рад твоему энтузиазму, – рассмеялся Рун добродушно. – Но прежде озера надо к ведунье всё-таки заглянуть. Глупо это не сделать, когда она почти по дороге. А сейчас нам поесть необходимо. Чтобы идти, силы потребны. Полежи ещё, Лала, подремли. Я пока костром да едой займусь.

– Давай я помогу с похлёбочкой, Рун, – предложила Лала.

– Отдохни, чтоб сил больше было на дорогу. Я сам, быстрее выйдет, – мягко произнёс он.

– Ну хорошо, – согласилась Лала.

– Всё, мне можно встать?

– Можно, милый. Раз у нас будет три денёчка, то можно.

Рун поднялся, укрыл её получше материей.

– Поспи ещё, Лала.

– Нет, не уснуть теперь, – поведала она. – Буду лежать и мечтать. Такие сладкие мечты. Ла-лала-лала.

– И что ты не хочешь замуж за меня, – молвил он с полу-

шутливым недоумением. – Ведь всегда бы так быть могло.

– Не могу я за тебя выйти, милый мой зайныка, – ответствовала Лала очень ласково. – И родители меня за тебя не отдали бы. Никак. Прости. Но ведь это не важно, когда у нас есть наше сейчас. У многих и дня такого счастья не бывает за всю жизнь, какое мы переживаем, и можем будем ещё переживать долго-долго, пока я здесь в вашем мире.

– Для меня важно, – улыбнулся Рун. – Я хочу всю жизнь. Ну да ладно. Так тоже неплохо. Отдыхай, Лала.

– Рун, можно мне одеялко наколдовать? Я сейчас смогу. Холодно без тебя, – попросила Лала.

– Ну конечно да. Разумеется без штрафов, – кивнул он. – Ты, Лала, такие вещи можешь не спрашивать. Это всегда необходимость, всегда без штрафов.

– Спасибо, любимый! – обрадовалась Лала. – Только я не всегда такое могу. К сожалению. Сейчас кажется смогу.

Она взмахнула рукой, и тут же кусок материи преобразовался в большое толстое расшитое цветными узорами одеяло. Рун лишь покачал головой, дивясь на это чудо.

– Ой, как тёпленько! – Лала тут же укрылась вся, снаружи осталось только её довольное личико. – Не хочешь ко мне, суженый мой?

– Хочу, но лучше займусь огнём и едой, – добродушно ответил Рун.

Он принялся готовить место для костра, слушая как Лала тихонько напевает. Снял ножом слой почвы с травой на

небольшом пяточке земли, быстро собрал ветки поблизости, разломал, сложил, умело разжѐг. Заострил и вбил колышки, положил на них толстую ветку, повесил на неё котелок, налил туда воды из фляжки. Пусть пока закипает. Потом углубился в лес, с мыслью и веток ещё найти, и может грибов, кореньев, а то и душистых травок для приправы. Сам улыбался всё время. Счастье испытывал. И удивлялся ему. Ну почему оно такое, почему всегда от неё? Сияет она, приветлива, и всё, и на душе царит рай. А коли отвернѐтся, как в тот день, когда они расстались у барона, то в мрак крошечный, горький и тоскливый, мгновенно переходит бытие. Ну вот же странно. Лишь она всегда. Определят состоянье сердца. Другие люди счастливы бывают от множества причин: от денег, от вещей. От славы, от побед, от достижений. Но в чём тут счастье? Разве это можно с девицею пытаться сопоставить, которой дорог ты, которая тебе безмерно радуется, счастлива с тобою? Безумие и сравнивать. Бесспорно, бывает в жизни разное. Допустим... у человека есть семья и он стремится заработать денег. Чтоб деток и супругу накормить. Когда он заработает, и пищу им принесѐт, то это тоже счастье. Но всё-таки оно от деток, а не от денег. Тут сокрыта суть. Вот были б у него и Лалы детки, их счастье тоже б услаждало душу. От счастья близких истинное счастье испытывает каждый человек. А если кто-то счастлив от себя, одинолично, от своих успехов, не радуя родных, не согревая. Возможно, что он просто не знаком со счастьем, принимая за него ошибоч-

но нечто совсем иное.

Внезапно тишину леса нарушил испуганный девичий крик. У Руна словно бритвой по душе резануло. В тревоге бросился на полянку. Ещё из-за деревьев разглядел, что подле Лалы стоят трое мужчин. Вооружённых. Вроде бы просто стоят, ничего не делают. Она села, укрываясь от них за одеялом испуганно. Услышав топот Руна, мужчины сразу обернулись, один положил руку на рукоять меча, но обнажать не стал, другие даже и за рукояти не схватились, лишь внимательно уставились. Не помня себя, Рун подбежал к ним, лихорадочно соображая, что нужно предпринимать, и нужно ли что-то, когда они ведут себя... вот так спокойно, без явной враждебности. Одета вся троица была не то, чтобы плохо, но как-то потрёпанно, и не совсем как охотники, отдельные элементы воинской экипировки на них присутствовали, у одного из-под затасканного кафтана проглядывалась тонкая кольчуга. Непонятные личности, по виду которых сложно сделать хоть какие-то выводы, кто они и чем заняты в лесу.

– Что... – заговорил было Рун, но тут вдруг с удивлением обнаружил, что лежит на земле. Вроде бы только сейчас стоял на ногах. Когда упал и как, даже не заметил. Мысли заметались у него в голове, пытаясь разобраться в происходящем. Он начал подниматься, но почувствовал удар, усадивший его снова наземь, а затем ему в грудь упёрся меч.

– Сиди, не дёргайся, а то ещё раз по башке получишь, –

прозвучал невозмутимый мужской голос.

– Пожалуйста, уходите! – заплакав, взмолилась Лала.

– Что же ты так неприветлива, красавица? – усмехнулся один из чужаков, широкоплечий дядечка с короткой курчавой чёрной бородой.

– Вот это смазлива! – подивился другой, мужик лет сорока, с ещё более короткой остриженной бородой. На его шее виднелся шрам кольцом, словно от удавки. – У меня таких милашек ещё не было. Наконец-то кто-то согреет в лесу.

– Мордаха у девки нереально хороша, – согласился третий, тот что уткнул меч в Руна, лысеющий верзила. – Похоже, они тут вдвоём. Место для ночлега одно. Лошадей нет. Судя по всему, сбежала из дома к кавалеру. Можно попробовать вернуть родне. Если заплатят. Одеяло-то богатое. Купца какого-нибудь дочь, я верно говорю. Или продать её кому. Тоже вариант. Такую купят, охотно.

– Много мороки, – возразил мужик со шрамом. – Сначала пусть нас обогреет. Там посмотрим.

– Эй ты, – обратился верзила к Руну. – Вы тут вдвоём? Кто такие? Куда идёте?

Рун молчал.

– Лучше тебе ответить по-хорошему, – благодушно посоветовал верзила. – И побыстрее. А то мы перейдём к по-плохому.

Ответов ему всё же получить было не суждено. Лала сбросила одеяло, воспарив. Личико её было горестным, но реши-

тельным, по щёчкам текли слёзы.

– Уходите! Сейчас же! – строго потребовала она.

Вся троица мгновенно впала в глубокий ступор. Застыли и тарасилась на Лалу с открытыми ртами. Первым взял себя в руки мужик со шрамом на шее. Поклонился молча, развернулся и пошёл прочь. Остальные двое повторили за ним. Вскоре их спины растворились среди лесных зарослей. Лала опустила к Руну, обняла его, продолжая тихо реветь. Её всю трясло.

– Рун, как ты, мой хороший? – взволнованно проговорила она, всхлипывая.

– Да вроде ничего, – с трудом отозвался он бесцветным голосом.

– Сильно тебе больно?

– Нет. А ты как, Лала?

– Испугалась очень.

– Прости. Не смог тебя защитить, – грустно повинился Рун.

– Рун, ты и не должен был. Их трое, а ты один. Кто бы смог? Даже рыцарь не справился бы, – стала подбадривать его Лала.

– Рыцарь не потащил бы тебя в лес, – вздохнул он. – Повёз бы по дороге. В карете. С охраной.

– Мне лес не страшен, мой славный. Я смогу нас защитить, – заверила Лала, утерев глаза пальчиками. – И зверюшки за меня вступятся всегда. Пока я тебе дорога, пока ты мне

магию даруешь, я не дам нас в обиду.

– Ты их магией прогнала? – он погладил её по голове, пытаясь успокоить.

– Нет, Рун. Они сами ушли, – слёзки Лала стали понемногу утрачивать обильность. – Большинство людей понимают, кто такие феи. Мне так рассказывали. Редко какие отважатся пытаться зло причинить. Даже совсем плохие благоговеют. А кто не благоговеет, тот боится. Фея может за себя постоять. Только барон ваш почему-то... оказался недалёковиден.

– Что если всё же к барону вернуться? – полувопросительно молвил Рун. – Поди тоже всё понял, теперь не посмеет тебя обидеть. Лес не для девиц. Опасно тут.

– Не могу я так поступить, Рун. Никак, – покачала головой Лала. – Я ему не верю, и я ему злое сделала. Он здесь повелитель, я должна уйти с его земель. Мне в лесу не опасно, правда. Когда у меня есть ты.

– Ну ладно, – смирился Рун.

Сколько-то они сидели молча, оба приходя в себя. Рун гладил Лалу по спине, по волосам, чувствуя, как унимается её дрожь, как она расслабляется, постепенно впадая в умиротворение.

– Значит это и были злые люди, Рун? – тихо поинтересовалась она.

– Похоже на то.

– Я злодеев не видала ещё. Это в первый раз.

– Надеюсь, что и в последний. Надо бы нам уйти отсюда,

Лала. Что как они вернутся?

– Пусть только попробуют, любимый, – грозно заявила Лала. – У меня сейчас много магии. Это они нас должны бояться, а не мы их.

– Вдруг станут следить за нами.

– А вот и не станут. Я этого не допущу.

Лала взмахнула ручкой, и оставила держать на весу перед собой. Откуда-то сейчас же к ней на ладошку прилетел воробышек.

– Здравствуй, малыш, – приветливо обратилась она к нему. – Можно тебя попросить? Если какие-нибудь люди вдруг начнут идти за нами или следить, пожалуйста, ты и другие птички в лесу, покричите громко, чтобы мы узнали о преследовании. Хорошо?

Воробышек поклонился, чирикнул радостно, и улетел.

– Вот и всё, зайныка, – улыбнулась Лала, глядя по-доброму на Руна. – Надеюсь, не станешь требовать штрафов за это с несчастной феи?

– Не стану, – не удержался он от ответной улыбки.

– Как же ты, Рун, выжил один несколько лет в лесу, когда в нём столько злых людей? Не успели уйти, как и наткнулись, – сочувственно молвила Лала.

– Не повезло просто, – пожал он плечами. – Да и это другой лес, в нашем люда вообще меньше. И ты пойми, Лала. Я крестьянин. Что с меня взять? Никто не станет творить злодейство без причины. Ради чего идти на грех? Вот был бы я

один, без тебя. Думаешь, что бы произошло, встретить я этих троих? Скорее всего и накормили бы, и к костру своему пустили, и ничего не сделали бы. Вполне доброжелательно бы относились, и не узнал бы никогда, что они злые, считал бы хорошими приятными. Девицы, Лала, не ходят так далеко от поселений. И тому есть причины. Иногда и добрый человек вдруг становится злым, коли уверен, что никто не узнает про то, что он содеял зло, если он рассчитывает остаться безнаказанным. Это хорошо заметно на примере солдат. Дедушка рассказывал. Солдаты, завоевав чужую страну, много творят после победы. Даже те, кто добрыми себя считают. Потому что знают, что ничего им не будет, что вроде как они вправе мародёрствовать и творить насилие. Дедушка мне советовал не ходить в солдаты никогда. В ополчение можно. Так как оно лишь для защиты своего края от завоевателей.

– Грустно устроен ваш мир, – вздохнула Лала. – Мужчина должен быть рыцарем, должен оберегать дам, быть галантным и добрым к ним.

– Возможно, Лала, рыцари потому и рыцари, что они благородного происхождения, – поделился мыслью Рун. – У них всё есть, им ничего не надо. Зачем им тебя грабить, когда они знатны и родовиты, имеют титулы и деньги? Зачем им силой брать девицу, когда они для всех девиц почти что идеал, мечта?

– Да я же не о том, Рун. Не о титулах. А о душе. Когда мужчина не обижает девушек и деток, в душе он рыцарь бла-

городный. Достойный уваженья дам. Ты вот настоящий рыцарь.

– То-то меня девицы в деревне так сильно уважали, – усмехнулся Рун.

– Ты не был с ними галантен, как им узнать, что ты рыцарь? – парировала Лала.

– Я был как раз галантен, – не согласился Рун. – Для них я дурачок, галантность дурака в том, что он дам не беспокоит. Вниманья им не нужно от него.

– Какой ты спорщик. Это не галантно. Девицам надо в спорах уступать, – с улыбкой пожурела его Лала.

– Ну вот и званье отобрали. Был рыцарем минуту лишь назад. И уж разжалован, – с деланным огорчением посетовал Рун. – Пойду я готовить, родная. Кажется мы оба пришли в себя. Ты больше не дрожишь. Скорее поедим, скорее уйдём отсюда.

– Не больно тебе, котик? А то давай полечу, – предложила Лала. – Не знаю только, выйдет ли.

– Да, терпимо. Необходимости в этом нет, – ответил Рун. – Даже не видел, куда и когда мне прилетело. Бац, и уже на земле. Защитника бы тебе, Лала, настоящего. Боюсь я за тебя.

– Не переживай, Рун, никто меня не обидит, – с теплотой заверила Лала. – Давай готовить вместе. Я хочу помочь.

– Давай, – кивнул он. – Я уж теперь не пойду в лес, не рискну тебя одну оставлять. Грибов немного есть, добавим

картошки, сыра, нормальная похлёбка выйдет.

– Хорошо, милый, – ласково произнесла Лала.

Наверное ещё с пол дня они отходили от произошедшего. Оба были задумчивы и молчаливы, Лала часто ластилась по дороге, но без слов, подлетит, прижмётся. Рун обнимал её пожалуй с большим трепетом, чем обычно, с какими-то новыми чувствами, словно боялся потерять и опасался, что потеря неизбежна. Он болезненно ощущал свою бесполезность для неё. Много размышлял об этом. Вот сравнить себя и лорда. Был бы с ней сейчас господин Саатпиен. О безопасности тревога на ум бы даже не пришла. Жила бы в роскоши, в богатстве. Питалась сытно, в тепле спала. С охраной ездила. Как ни крути, эгоистично быть с ней. Ей нужен кто-то ещё. Если удастся найти ей лорда, кто магию давать ей сможет, то надо будет от неё уйти. Самому. Не важно, что не хочется безумно, не важно, что она не хочет. Всё равно надо. Так будет лучше. Она вот сделала что-то подобное для него. Бросила, совсем того не желая. Ей было трудно, не было никого рядом, кто магию способен даровать. Но всё равно бросила. Потому что хотела защитить. Надо и ему быть готовым на подобную жертву ради неё. Пока они в лесу, навряд ли им повстречается рыцарь благородный. Ещё сколько-то времени они точно будут вместе. Но как дойдут до города какого-нибудь, нужно иметь моральные силы для при-

нения правильного решения. Как трудно бы это ни было. Вот такие он думал думы. От этого внутри болело, и эта боль кажется производила больше магии, так как порождена была привязанностью сердца. Магия объятий не может не радовать фею объятий. Но феи чуткие натуры, Лала замечала, что его гнёт что-то, и ластилась, дабы его утешить, ну и утешиться самой. Тоже не могла до конца оправиться от утренних событий. Для неё это была первая в жизни встреча с откровенным злом. Поэтому и она выглядела задумчивее обычного. Как будто пыталась осмыслить присутствие зла в мире, выстроить своё внутренне отношение к нему, найти способ смириться с тем, что зло есть. Грустила по своему королевству, столь чудесному, где всё такое хорошее и доброе. Чуть-чуть сильнее тосковала по дому, по родным. И снова искала утешение в объятьях. Вот так они и шли. Ещё Руну приходилось тащить на себе одеяло. Свернул его, завязал верёвкой, и нёс на спине. Лала не смогла его обратить назад в материю. Расстроена была из-за злодеев, и потому оказалась не в состоянии развеять заклинание. Один раз попробовала, другой, третий. И никак. Оставалась только ждать. Волшебство было временным, с окончанием действия в полночь. Вроде бы кусок материи не такая уж и ценность, можно просто выкинуть. Но это в теории. На практике крестьяне народ хозяйственный. Вещь полезная, особенно когда ты вдвоём с девушкой, а замену в дороге взять неоткуда. Так что вариант с выкидыванием Рун даже не рассматривал. Стран-

но конечно часами нести на горбу то, чего фактически-то и нет на самом деле. Немного глупо себя чувствуешь. Но куда деваться, раз так вышло.

Только к вечеру, остановившись для ночлега, они наконец полностью вернулись в прежнее счастливое расположение духа. Сначала уселись передохнуть, и Лала тут же воссияла, озаряя Руну сердце. Он тоже разулыбался. Лала буравила его весёлыми глазками, он любовался на неё.

– Вот же засада, это твоё одеяло, – пожаловался он с юмором. – Тяжёлое. Притомился тащить. И нет же чтоб к утру обратно в материю обратиться, хоть спали бы под ним. А оно в полночь. Ни то ни сё, и весь день пёр его.

– Прости, любимый, – повинулась Лала ласково.

– Да я не на тебя досажую, красавица моя, а на неудачу, – добродушно объяснил он. – Ты как раз наоборот, моя удача, самая главная за все мои годы. И десять одеял готов тащить, когда ты рядом.

– Мой рыцарь.

– Ах, если бы. Крестьянин, искусствам ратным необученный. Вот был бы с тобой начальник стражи. Или господин Саатпиен. Тем троим плохо бы пришлось. Мне так кажется.

– Мне они не нужны, Рун. Они не такие симпатичные, как ты, мой славный, – лукаво улыбнулась Лала.

– Ну, это да, – с деланной горделивостью кивнул он. – Надо бы костёр разжечь, да побаиваюсь теперь. Думаешь, предупредят нас птицы, если кто подойдёт?

– Предупредят, зайныка.

– А ночью? Воробьи-то спят поди.

– За нами филины присмотрят, и совы. Не беспокойся.

Побудь со мной ещё немножко, Рун. Потом разожжёшь.

– Ну хорошо, невеста моя милая.

Они замолчали ненадолго. Мирно было вокруг. Предвечерняя тишина, покой. Лишь где-то вдали трудился неутомный дятел. Его деловитые постукивания еле слышными звуками разносились меж деревьев.

– Знаешь, Рун. А мне всё равно приятно в сердечке. Что мы будем в лесу. Столь долго, – сказала Лала. – Может тут и не безопасно, зато вдвоём, и днём и ночью. Никто не помешает. А когда до озера дойдём. О, всё мечтаю, как это будет.

– Чего мечтать, я же и сейчас с тобой, – усмехнулся Рун.

– Там будет всё иначе, – не согласилась Лала. – словно дивное свидание. Целых три денёчка. Это другое. Романтично очень.

– А ты хочешь со мной свиданий? – полюбопытствовал Рун. – Я вроде ненастоящий кавалер. Романтика нужна от настоящих, а от понарошку лишь дружба, разве нет?

– Ты, Рун, не совсем понимаешь, что значит быть кавалером для феи объятий, – с теплотой посмотрела на него Лала.

– Да где ж тут понять? – чистосердечно молвил он. – Ты-то хоть сама понимаешь? Не влюблена, но хочешь романтики. Так может быть?

– Может, мой котик. Феи не притворяются в подобных

вещах. Ты всё равно мой кавалер, просто иначе, чем при влюблённости. Ты лишь жених мой понарошку. А кавалер по правде. Сама не знаю, в какой момент так получилось. Пойми же, магию и счастье порождают твои чувства нежные ко мне, как же я могу их не хотеть? Если бы моё сердечко их отвергало, и я лишь притворялась, что нуждаюсь в них, что ты мне нравишься, вышло бы, что у меня самая подлая, лживая и жестокая природа на свете. Феи не такие, Рун. Таких фей не бывает. К тому же ты мне дорог. Давно уже. Я люблю тебя по правде, милый. Я просто не влюблена в тебя. Но люблю по правде.

– Ну ладно, – буркнул Рун с довольной физиономией. – Всё лучше, чем ничего.

– А тебе этого мало, зайныка?

– Мало. Вот когда начнёшь сходить по мне с ума, вот этого пожалуй хватит.

– А ты думаешь, так когда-нибудь будет? – развеселилась Лала.

– Ну я же симпатичный. Сама признала. Думаю, что никуда тебе не деться.

Лала лишь рассмеялась. Вздохнула умиротворённо.

– Не знаю, Рун, что с этим делать. С нашими отношениями, – призналась она вдруг тихим голосом. – Так не должно быть. Какие они у нас. Это всё из-за проклятья. Ну и из-за того, что ты хороший. И из-за того, что не хозяин мне, что отпустил. Всё так сошлось. Удачно для тебя. Я вот размыш-

ляю иногда. О своей природе. И... мне кажется... возможно ни одна фея объятий до меня не спала ночами в объятьях. Может я ошиблась, так поступая.

– И что, теперь отдельно спим? – спокойно спросил Рун.

– Вот уж нетушки, – с улыбкой ответствовала Лала. – Плохого в этом нет, я чувствую. Пока ты рыцарь мой надёжный, кто не обидит. Я твоя кошечка.

– Ну, хорошо, – с облегчением выдохнул Рун. – А то я уж как-то настроился на то, что вместе будем. Мне это тоже нравится, чтоб ты знала.

– Да я даже и не сомневаюсь, что нравится, суженый мой, – одарила его ироничным взглядом Лала.

Они ещё сколько-то посидели, согревая друг друга, а после занялись бытом. Лала не хотела просто ждать, вызвалась помогать, потому они и веточки для костра искали вместе, вместе готовили нехитрую походную похлёбку. Затем ужинали, по очереди, ложка-то снова одна на двоих – та, что Рун смастерил для Лалы когда-то, осталась в деревне. Рун решил, пока нет смысла выстрагивать ложку снова, а то опять выйдет столь корявая, что со стыда сгоришь, подождать нет никакой проблемы, феи много не едят, буквально минутка, и Лала уж сыта. Ему самому времени на поглощение пищи требовалось гораздо больше, но Лала его не торопила, сидела в грациозной позе, довольная, поглядывала приветливо на него, а он смотрел с восхищением на неё. Переговаривались

о разном. Хорошо было. Рун даже вспомнил былые деньки, как хаживал по лесам с дедом. По ощущению сейчас происходило что-то подобное. Родной человек рядом, с кем уютно. Небо ещё только-только начинало темнеть, а они уж закончили все вечерние дела.

– Ну что, лёжа или сидя? – поинтересовался Рун весело. Лала чуть призадумалась.

– Лёжа, – лучезарно улыбнулась она.

– Ладно. Можно на одеяле, пока оно ещё есть, – предложил он.

– На одеялке мягенько, – кивнула Лала.

Рун расстелил одеяло поверх куртки. Они улеглись. Лежали, глядя друг другу в глаза. В костерке негромко потрескивали угольки.

– Устала? – спросил Рун заботливо.

– Немножко. Отвыкла по лесам летать, – отозвалась Лала. – Грустишь ты мой хороший. Так и грустишь. Я чувствую. Всё не можешь забыть злых людей?

– Переживаю за тебя, – признался он. – Не того ты нашла себе кавалера. Как воин я пустое место. Ни меча у меня, ни доспехов. Ничего не умею. Вон даже мой бывший дружок Фосс, и тот на ратника обучается. А я просидел в лесу, ничему не научился.

– Рун, хочешь я тебе оружие попытаюсь наколдовать? Или доспехи. Если без штрафов, – аккуратно осведомилась Лала. – Вдруг да выйдет.

– А что мне это даст? – пожал плечами Рун. – Я мечом-то не владею. Меня за них скорее убьют. За меч и доспехи. Чтобы ограбить. Доброе оружие ценится. Надо тебе всё же рыцаря в кавалеры, нравится тебе сие или нет.

Как ни пытался он говорить непринуждённо, Лала уловила в его голосе тоскливые интонации.

– У меня уже есть рыцарь, – подбадривающе улыбнулась ему она. – Я нас защищу, Рун, не волнуйся. Лучше обнимай меня.

– Так вроде ж обнимаю, – подивился он с полушутливым недоумением.

– Ты мыслями своими сильно занят. И обнимаешь, а словно бы тебя и нет со мною рядом. Временами сегодня.

– Мало магии?

– Не мало. Но побольше бы хотелось. И её, и внимания твоего. Хотелось б... нежности.

– Уже и нежности тебе от Руна захотелось? – развеселился он.

– Захотелось. Ты мой жених вообще-то, Рун.

Он посмотрел ей в глаза очень тепло. Она ответила ему милым приветливым ласковым обворожительным взглядом.

– Моя красавица, – произнёс он с любовью, совершенно искренней.

– Ну вот, уже получше, – порадовалась Лала. – Наконец-то заметил меня.

– Прости. Закрывай глазки, раз устала, а я на тебя полю-

буюсь ещё пока, – по-доброму молвил Рун.

– Нет, я хочу немножко ещё побыть с тобой, суженый мой. Полюбуюсь на то, как ты мной любишься.

Они лежали, глядя друг на друга. Их лица, их губы разделяло всего ничего. Рун словно растворялся и тонул в её огромных синих зрачках. И столько было в них, как всегда, разных чувств отражено, приятных, и светлых, и сердечных, наполненных и лаской, и доверчивостью, и трогательным невинным очарованием. Что голова начинала кружиться. Рун вздохнул, словно пытаюсь отдышаться.

– С ума меня ты сводишь, Лала, – посетовал он беззлобно.

– Затем и нужны феи объятий, чтобы сводить с ума неопытных юношей, – с нежностью и капелькой юмора поведала она.

– Ну понятно. Мне это нравится, чтоб ты знала.

– Я знаю, Рун.

Лала тоже вздохнула, продолжая излучать безмерную глубокую приязнь. Смотрела на него чарующе. Словно ангел, исполненный неземной любви.

– Рун, – обратилась она к нему тихо.

– Что, солнышко моё?

– А я тебе снюсь? Хоть иногда? – в её голоске слышалось спокойное умиротворение.

– Да. Даже часто.

– И что мы делаем в твоих снах?

– Разное.

– Расскажи. Или там то, о чём не рассказывают?

– Да нет, Лала, ничего такого. Вот например, мне раз приснилось, что я учу тебя рыбу ловить. А когда я поймал одну, ты вдруг расплакалась, что рыбке больно на крючке, и я никак не мог тебя утешить. В другом сне я явился на бал в какой-то знатный дом, и танцевал там с тобой. А цена за танец была... две жертвы. А когда наступила пора расплаты, мне вдруг стыдно стало, что я заставляю тебя это делать. И я ушёл, пока ты отвлеклась. А ты меня искала, всё звала «Рун, Рун». Просыпаюсь, а ты и правда сквозь сон меня зовёшь.

Лала негромко рассмеялась с теплотой.

– Это в деревне мне снилось, до нашего расставания. Ещё как-то приснилось, что ты спустилась ко мне на летающей колеснице. А я сказал: «я так и знал, что ты богиня». И мы стали кататься по небу. У лошадей из под копыт летели звёзды, и тут одна подкова отвалилась, и мы опустились в нашу деревню в кузню к Тияру. А потом мы никак не могли подковать эту глупую лошадь, она всё не давалась, лягалась. Приснилось однажды, что ты ушла. Что нету тебя, я тебя искал, искал, звал, проснулся чуть не плача, а ты тут, рядом, в избе, как я счастлив был, ты не представляешь. А вчера ночью, например, снилось... только ты не сердись, ладно? Снилось, что ты переодевалась, а я ждал, сидя спиной, и опять у тебя что-то не получилось. Ну и снова мне пришлось... зажмуриться и обнимать тебя... такой. А ты всё подтрунивала надо мной, что у меня сердце колотится. Оно и правда что-то

трепыхалось. Я аж проснулся. Вот уж я был испуган.

– Почему? – удивилась Лала.

– Вдруг бы я взял и открыл глаза. И посмотрел на тебя там, во сне, когда ты... ну, без платья. Во сне же нельзя ничего гарантировать. Обидел бы тебя.

– Рун, это конечно стыдно. Но это ведь сон. Сны не могут обидеть. Мы над ними не властны.

– Всё равно. Не хочу обижать тебя даже во снах.

– Хороший мой, – проговорила Лала ласково. – Много я тебе снюсь, как я погляжу.

– А я тебе нет? – усмехнулся Рун. – Только и слышал в деревне своё имя из твоих уст ночами.

– Да дело-то не во мне, зайныка, – добродушно ответила Лала. – Мне нравится, что я тебе снюсь. Это очень принято. Мне не хочется это отнимать у тебя. Но раз уж ты так горюешь, что ты не воин. Можно учиться ратному делу во снах. Я могла бы сделать так, чтоб ты учился. Будут учителя очень умелые, истинные мастера, великие бойцы, будет оружие, любое какое захочешь. Во сне нет ограничений. Только тогда я тебе не приснюсь более. Каждую ночь ты будешь тяжело трудиться над учёбой. И уже никакой Лалы и никаких небесных колесниц.

– И так правда можно научиться? – озадаченно воззрился он на неё.

– Не знаю, милый. Мне кажется, да. Известно, что одна фея получила так от древней прародительницы рецепт давно

забытого зелья. А раз зелье можно выучить во сне, то наверное и всё остальное тоже. Я чувствую, что могу это. Сейчас для тебя. Жалко тебя, мой славный, вижу как ты переживаешь. Прямо чувствую это. Если сейчас захочешь, я тебя заколдую. Только без жертвы, Рун. Это же не совсем дар волшебный, ты будешь учиться сам, всё будет зависеть от твоих способностей и усердия.

Рун призадумался.

– А долго это? Так учиться? Быстро можно ратником стать?

– Как и в жизни. Не быстрее. Это же обычная учёба, только в необычном месте, – пояснила Лала.

– Тогда от неё мало проку, – с сожалением заметил он. – Не поможет тебя защищать. Пока я научусь, ты уже и домой вернёшься.

– Может да, может нет. Кто знает, насколько я здесь, – улыбнулась Лала. – Решай, Рун. Это сложное колдовство. Я потом наверное не смогу его уже сотворить. Сейчас могу.

Рун углубился в размышления.

– Ну, хоть азам научиться каким, и то будет неплохо, – произнёс он наконец. – Ладно, я согласен. Не уверен, что это по чести, брать с тебя новое чудо. Но уметь защищать себя и своих близких важно. Тут нельзя безоглядно идти на принцип. Надеюсь всё же, я честь от этого не утрачу. Заколдуй меня, Лала.

– И без штрафа? – спросила она чуть иронично.

– Без. Так и быть. Мне будет не хватать тебя во снах, моя ненаглядная. Но я утешусь тем, что ты со мной в реальности. Дед всегда говорил: «меч без ратного умения просто железка. А ратные умения даже палку сделают в твоих руках мечом. Именно они оружие воина». Хочу быть вооруженным. Смотришь, и тебе лучше пригожусь.

– Сколько времени хочешь учиться во снах, Рун?

– А сколько можно?

– Кажется, сколько пожелаешь. Тут магии одинаково истратится независимо от срока.

– Знатные годами учатся, насколько я знаю. Сызмальства и до взрослых лет, – подумал он вслух, пытаясь определить-ся.

– Годы тяжело тебе будет, Рун. Из ночи в ночь беспробсветно учиться, – с сомнением озвучила своё мнение Лала. – Тем более, неизвестно, можно так научиться ратному ремеслу, или всё же нет.

– Сны всё равно задаром пропадают. Не жалко, – пожал он плечами. – Если уж пробовать, то по серьёзному.

– Ну, как пожелаешь. Сделаем всё проще. Во снах твоих будет небольшой алтарь, а на нём свиток с этим заклятьем. Как надоест тебе, порвёшь его во сне, и всё закончится. Пока не порвёшь, будет продолжаться.

– Это идеально, – одобрительно кивнул Рун.

– Но ты, любовь моя, не переусердствуй, – попросила Лала. – Коли почувствуешь, что тебе после снов становиться

худо, что сил нет совсем, порви свиток, или скажи мне, я всё отменю, хорошо?

– Ага.

Лала коснулась его головы ладошкой.

– Сделано.

– И всё? – удивился он.

– Всё.

– Ничего не почувствовал.

– Я почувствовала. Магия в тебя вошла точно, Рун.

– Спасибо, Лала, – с искренней благодарностью проговорил он. – И прости, что, ну, опять твоими чудесами пользуюсь.

– Да ничего, зайчика, – по-доброму ответила Лала, сияя личиком. – Для того и нужны феи. Нам нравится творить чудеса.

– Много магии потратила? – участливо поинтересовался он.

– Порядочно. Но меньше половины даже. На озерце всё быстро восстановим, правда? – невинно посмотрела она на него.

– Само собой, – усмехнулся он. – Эх, жаль что без штрафа. Так бы было совсем замечательно.

– А мне жаль тебя. Не увидишь теперь меня во снах, беденький. А во снах ведь можно и целоваться, там запретов нет, – лукаво проронила Лала.

– Действительно. Большая потеря, – с деланным огорче-

нием посетовал Рун. – Придётся теперь мне почаще тебе сниться. Чтобы хоть так во снах встречаться.

У Лалы краска прилила к щёчкам.

– Ого, да ты покраснела, – ласково заметил он не без доли тёплой иронии. – Чем мы там у тебя занимаемся?

– Не скажу, – с улыбкой буркнула Лала.

Каждое утро Руна теперь начиналось с сияния. Не солнца, а личика спящей бесконечно счастливой феи. И сегодня было не исключение. Он проснулся, ощущая её рядом, открыл глаза. Она ещё спала, прижалась к нему, а сама так и светится упоительной радостью бытия. Фея невинное существо, и счастье её невинно, оно доброе, оно озаряет твою душу и дарит ощущение торжества чего-то очень хорошего и правильного, ради чего стоит и хочется жить. Это сияние разительно отличалось от их ночей в деревне. Там так не было, там она обычно спала умиротворённой, а прикоснёшься к ней, начала еле заметно улыбаться. А сейчас просто всепоглощающее безудержное счастье. Тут и понимаешь, почему для неё спать в объятиях столь важно, столь желанно было всегда, тут и задумаешься, не жестоко ли не позволять ей этого? Но когда рядом бабуля, какие варианты? Люди в совместном ночевании ищут дурное, и по сути они правы, для таких вольностей нужно быть женатыми. Нужно быть очень особенными друг для друга, в представлении человека единственный

способ достичь сей особенности – брак, когда двое скрепляют свои чувства клятвой под небесами и уж не расстаются с тех пор до гроба. В представлении фей объятий всё несколько иначе, люди им не пара, а вне отношений мужчина-женщина любой уровень близости не грех. Кошки ведь действительно часто спят в постелях хозяев. И ласться. Проблема в том, что для человека фея вовсе не кошечка. Она – самая желанная девушка на свете. И тут всё зависит от доверчивости феи и ответственности человека. Будешь вести себя с ней как рыцарь, не обижая, не подвергая угрозе её честь и веру в тебя – сохранишь то удивительное, что есть меж вами. Нереалистичную по своему градусу взаимных чувств дружбу-любовь. Станешь пытаться сделать своей, и всё. Плохие люди всегда ставят собственные желания, порой даже самые мелкие, выше счастья других. Плохих людей в мире много, себялюбивых ещё больше, к тому же парню сложно совладать с собой, когда его тянет к девушке, которая ему по сердцу. Потому недоверие людское в целом оправдано. И всё же оно не учитывает, кто такие феи, тоже воспринимая их девицами. Ну как можно захотеть обидеть столь чудесное создание? Особенно когда оно так сияет. Наполняя и тебя счастьем. Глупости это.

Рун разулыбался, любуясь Лалиным личиком, её размазанными золотыми волосами. Погладил её по плечу, осторожно, чтобы не разбудить. Порадовался, что это теперь можно. Уже полностью рассвело, ночь выдалась не холодной,

воздух имел вполне комфортную температуру, неугомонные птички, как всегда с утра, наполняли воздух мелодичным щебетанием, добавляя ощущения праздничности. На душе ему было очень легко и светло. Боль от вчерашних дум куда-то исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.